

Л.И. РОВНИН

РОЖДЕНИЕ ГИГАНТА

Лев Иванович Ровнин почти 50 лет своей жизни отдал благородному делу поиска и разведки месторождений нефти и газа. Старший геолог экспедиции, начальник отдела, главный геолог треста, главный геолог Главного управления «Главтюменьгеология» — таков его 16-летний путь в Тюменской геологоразведке. При его активном участии открыта Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция с ее богатейшими месторождениями нефти и газа, обеспечившие России значительный топливно-энергетический потенциал. Лев Иванович — один из первооткрывателей крупнейших в мире Уренгойского, Заполярного, Медвежьего, Усть-Балыкского, Самолорского месторождений. В 1970—1988 гг. он занимал пост министра геологии РСФСР. Доктор геолого-минералогических наук, академик РАЕН, лауреат Ленинской премии Лев Иванович Ровнин удостоен званий Герой Социалистического Труда, Заслуженный геолог РСФСР, Первооткрыватель месторождения и награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Почета.

В опубликованной литературе редко встречаются подробности открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и ее уникальных по запасам месторождений нефти и газа. Моя судьба сложилась так, что я стал одним из участников получения первого газового фонтана из скв. 1 Березовской площади, которая по существу открыла Западно-Сибирскую нефтегазоносную провинцию, более 50 месторождений нефти и газа в Тюменской области.

После окончания геологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского меня направили на работу в трест «Запсибнефтегеология», размещавшийся в Новосибирске. В августе 1951 г. вместе с женой Лидией, тоже выпускницей Саратовского госуниверситета, мы оказались в Тюменской нефтеразведочной экспедиции этого треста. Меня назначили сначала коллектором, а затем старшим геологом в Иевлевскую буровую партию, осуществляющую бурение структурных 400–500-метровых скважин недалеко от Тобольска. Постоянно приходилось работать на буровых в условиях тайги и болот, вдоль труднопроходимых дорог. Обрабатывал керн скважин, вел геолого-техническую документацию, строил профильные геологические разрезы, чертил структурные карты. Мне очень помог опыт, приобретенный в 1948 г., когда, будучи студентом, работал коллектором в геологосъемочной партии Заволжской аэрогеологической экспедиции НИИ при Саратовском госуниверситете и в 1949 г. в Кинель-Черкасской конторе бурения треста «Куйбышевнефтегазразведка». Но тюменская, часто заболоченная, тайга оказалась несравнимой с заволжскими степями. Природные таежные трудности заставляли искать способы доставки к местам бурения бурового оборудования, выживания в условиях обилия комаров, мошек, отсутствия пунктов питания и нормальных бытовых условий.

Первыми моими наставниками здесь были техники-геологи Николай Петрович Дядюк и Галина Павловна Симановская, уже больше года работавшие в буровой партии, буровые мастера Андрей Полтавский, Борис Соболев, заместитель начальника партии по политработе Н.И. Гайдученя.

Вспоминаются многочисленные ночевки на буровых, работавших круглые сутки (одна вахта работала, другая отдыхала). В небольшом рубленом вагончике питались, вели геологическую документацию, совещались, спали, проводили культработу. Особенно запомнились беседы перед сном с рабочими буровых бригад и их многочисленные вопросы. Рассказывал им о планетных системах и происхождении Земли, о геологических процессах, протекающих внутри нее, как образуются нефть и газ, где будут найдены месторождения нефти в Тюменской области. Это были интересные беседы.

Итогом работы буровой партии стала структурная карта по выдержанному на площади горизонту палеогена. Амплитудного поднятия,

на котором можно было обоснованно бурить глубокие поисковые скважины, мы не обнаружили. Здесь у меня впервые возникли сомнения в целесообразности структурного бурения.

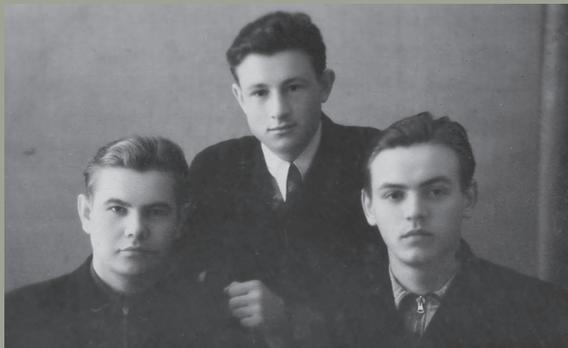
Буровую партию ликвидировали, и в январе 1952 г. меня перевели в Покровскую буровую партию (80 км севернее Тюмени), начинавшую бурение глубоких поисковых скважин на Покровском поднятии. К началу 1953 г. пробуренные четыре скважины нефти не обнаружили. Желание увидеть ее «живую» было велико у нас, руководителей экспедиции и треста.

На буровой № 1 произошел забавный случай. При испытании одного из пластов песчаников был получен фонтан минерализованной воды дебитом более 400 м³/сут без признаков нефти. Неожиданно из Новосибирска приехал Иван Петрович Карасев, главный геолог треста «Запсибгеология», которому подчинялась Тюменская нефтеразведочная кспедиция. Когда мы прибыли на буровую № 1, И.П. Карасев прежде всего начал осматривать фонтанирующую из скважины воду, протекающую по желобам, и вдруг закричал: «Нефть! Нефть!» Это был крик радости. Осмотрев желоба, я убедился, что на поверхности воды действительно есть нефтяная пленка, однако засомневался в ее появлении. И.П. Карасев уже вошел в экстаз и кричал: «Куда смотрят геологи, разве можно так работать, у вас течет нефть, а вы не видите ее или не хотите видеть!» Эти слова меня удивили и возмутили. Мне пришлось ответить,

В Саратове

Саратов.
20 апреля 1948 г.

Студенты
пятого курса
геологического
факультета
Саратовского
университета
им. Н.Г. Черны-
шевского.
1951 г.

Саратов.
Лысяя гора

Скв. Южно-
Таежная-Р-9
Н.П. Дядюк.
Июль 1966 г.

Вид сверху,
с буровой
вышки: балки,
столовая, баня

Село
Покровка.
1952 г.

что сначала надо разобраться, а потом делать выводы. И действительно, на мой вопрос мастеру испытания скважин Максиму Николаевичу Лукьянову получил ответ, что нефтяной пленки раньше не было. Только вот недавно смазали ротор, может, из него капает. Так оно и было. В ротор залили жидкую смазку, которая капала на фонтанирующую воду.

Позднее, много лет спустя, встречаясь с И.П. Карасевым, мы не раз вспоминали этот случай. Подобных случаев на других Покровских буровых, на которых работала бригада замечательного бурового мастера В.И. Груздова, больше не было. Правда, иногда с согласия геологов Василий Иванович допускал подливку нефти в глинистый раствор, чтобы не было прихвата бурового инструмента.

Работа в Покровской буровой партии позволила уточнить геологическое строение Покровского поднятия, убедиться в том, что это — выступ палеозойского кристаллического фундамента, перекрытый осадочными породами юры и мела, причем базальный горизонт и породы юрского и частично мелового возраста постепенно выклиниваются к вершине выступа. Как оказалось, такой тип поднятий, образующийся за счет облекания выступов фундамента и положительных тектонических движений, характерен для многих нефтегазоносных районов Тюменской области.

В марте 1953 г. меня неожиданно перевели из Покровской нефтеразведки в недавно созданный трест «Тюменьнефтегеология» на должность начальника геологического отдела, а через два месяца назначили главным геологом, заместителем управляющего трестом. Тогда мне было только 24 года. Трест напрямую подчинялся Миннефтепрому СССР. Сразу возникли многочисленные проблемы поисково-разведочных работ в западной части Тюменской области. Восточнее меридиана 72° в Западной Сибири работало несколько буровых и сейсморазведочных партий новосибирских трестов, проводивших в основном поиски на территории Кузбасса и в Томской области. Пришлось вплотную заниматься оценкой геолого-геофизических результатов бурения, опорных и поисковых скважин, сейсморазведки и структурного колонкового бурения. Опорой был геологический отдел треста — женский коллектив золотые руки: начальник Софья Гдальевна Белкина и старшие геологи Татьяна Максимовна Зуй (Кабакова), Марианна Петровна Ильина, техники-геологи.

Трест «Тюмень-
нефтегеология»
на ул. Минская, д. 4.
1955 г.

Поисковые работы проводились в основном на юге Тюменской области, опорные скважины бурились на севере: около Ханты-Мансийска, поселков Березово, Леуши, Увата.

Самой главной проблемой было правильное определение направлений поиска месторождений на последующие годы. Еще в Покровской буровой партии я стал задумываться о перспективах дальнейших работ. Участие на совещаниях в Тюмени у главного геолога М.В. Шалавина, встречи с учеными, посещавшими наши буровые, заставили глубже вникнуть в региональное геологическое строение, в оценку перспектив нефтегазоносности южных районов Тюменской области. Отрисовывая структурные карты, геологические разрезы территории, анализируя результаты геохимического анализа керн, пластовых вод и растворенного газа из пробуренных скважин, все больше приходил к выводу о невысоких перспективах южной части области от Тюмени до Тобольска и пос. Заводоуковское, где работала Заводоуковская буровая партия. Свои сомнения еще осенью 1952 г. я высказал главному геологу Главного управления по поискам и разведке нефти и газа (Главнефтегазразведки) Министерства нефтяной промышленности СССР Ю.А. Шаповалову, прибывшему в с. Покровское из Москвы. Он внимательно ознакомился с геологическими материалами, рассмотрел подготовленные структурные карты, карту мощностей отдельных горизонтов отложений нижнего мела. Они были хорошо изготовлены моими помощниками — техником-геологом Иваном Зиньковым, трудолюбивым, скромным специалистом;

коллекторами З. Поступинской, Н.Н. Маховской. Ю.А. Шаповалов задавал много вопросов: как я представляю себе геологию юго-западных районов области и какие результаты можно ожидать. Пришлось открыто сказать, что нужно двигаться на север, где следует в первую очередь проводить сейсморазведку и структурное бурение для выявления и подготовки для глубокого бурения новых поднятий. Мне очень понравилась беседа с ним.

Теперь, став главным геологом треста, я ощутил всю высокую ответственность этого назначения. Управляющий трестом А.К. Шиленко и его заместитель по политчасти С.Ф. Чеболтасов разъяснили мне, что я отвечаю за направление поисковых работ, за правильный выбор совместно с геофизиками площадей сейсморазведки, за определение точек бурения скважин, за анализ керна, геологическую отчетность, связь с наукой и за многое-многое другое. Сначала это вызвало у меня беспокойство. Позднее все встало на свои места. С геофизиками геофизической экспедиции Ю.Н. Грачевым, В.В. Анисимовым мы постоянно рассматривали и совместно вырабатывали решения, где проводить сейсморазведку, гравиметрические и магнитометрические исследования. Вместе с замечательными сотрудниками геологического отдела треста определяли площади и точки заложения глубоких скважин. Требования были жесткими. Без разрешения главного геолога треста не могла закладываться ни одна глубокая скважина, изменяться ее проектная глубина, интервалы отбора керна, объем электрокаротажных исследований. Главный геолог треста полностью отвечал за геологическое обоснование бурения скважин, утверждал точки бурения и правильность их выдачи на доступных участках местности с учетом удобной прокладки дорог, наличия источников водоснабжения буровых, возможностей снижения стоимости обустройства и бурения скважин. В те годы бурение скважины глубиной 2–2,5 км стоило более 1 млн руб. Все геологические данные по новым скважинам закладывались в утверждаемые руководством треста проекты.

Вспоминая сегодня те далекие годы, жесткие требования, критику за недостаточное внимание к решению каких-то вопросов, невольно приходишь к выводу, что это была творческая работа и хорошая учеба. Именно так вырастали хорошие кадры. Анализ геологических данных постоянно проводили старшие геологи

А.К. Шиленко,
Г.М. Кравченко,
Л.Н. Ровнин
Тюмень.
1954 г.

буровых партий Т.Н. Пастухова, Т.М. Громова, Л.И. Чуб, С.И. Терехин. Вместе с учеными ленинградских институтов ВСЕГЕИ, ВНИГРИ мы выработывали научную основу геологического строения территории Тюменской области. Тогда еще не было детальной стратиграфии геологического разреза мезозоя. Не было нужных тектонических карт. Схемы перспектив нефтегазоносности отражали представления отдельных исследователей, основанные на данных геологической съемки. Так, М.К. Коровин, В.Н. Сакс (ученые из Новосибирска) предполагали существование в центральной части Западно-Сибирской низменности обширного выступа рельефа фундамента, перекрытого чехлом мезозойских отложений, который прогнозировался как зона нефтенакопления. Однако результаты бурения Ханты-Мансийской и Уватской опорных скважин опровергли это предположение. Также рухнули и прогнозы поисков нефти на юге Тюменской области, где бурение глубоких поисковых скважин на Заводоуковской, Ярской, Покровской, Викуловской и других площадях не дало положительных результатов.

Озабоченные этим, окружные и районные партийные и государственные органы стали предъявлять претензии геологам из-за неправомерной траты крупных средств и требовали открытия нефтяных месторождений. Правда, следует заметить, что это были претензии отдельных лиц, мало знакомых с методикой изучения геологического строения, значением применяемых производственных методов исследования геологических разрезов скважин. Один из районных работников предъявил мне, как старшему геологу Покровской буровой партии, требования о сокращении

объемов электрометрических исследований стволов скважин, о нецелесообразности испытаний открытым забоем вскрытых скважинами пород кристаллического фундамента, так как, по мнению ученых, в них не может быть нефти. На такие требования мы, как правило, реагировали, детально разъясняя существующие правила. Однако на одном из бюро обкома партии управляющий трестом А.К. Шиленко получил выговор за то, что открываем воду вместо нефти.

Мне, как главному геологу треста, отвечающему за направления нефтегазопромысловых работ, было необходимо иметь четкие представления о деталях геологического строения территории области и отдельных площадей, об условиях и месте формирования перспективных зон нефтегазонакопления, чтобы правильно ориентировать геофизические и буровые работы и ускорить открытие месторождений. В этом мне очень помогли данные региональных и детальных сейсморазведочных работ, особенно геологические материалы бурения глубоких опорных скважин, предоставленных Н.Н. Ростовцевым, М.К. Коровиным и др. Не без помощи ученых прояснялась общая картина геологического строения Западно-Сибирской низменности, показавшая, что это огромная планетарная мегавпадина, формировавшаяся в течение мезозойского и третичного периодов, сложенная морскими, прибрежно-морскими и континентальными осадочными породами, в основном глинистыми, с пластами песчаников, так как хорошие коллекторские свойства относятся к породам, содержащими гидрокарбонатно-натриевые, хлор-кальциевые воды с минерализацией 5–30 мг/л, сильно насыщенные растворенным метановым газом. Породы юрского и раннемелового возраста имеют высокие содержания органического вещества, прослой горючих сланцев. Вся территорию Западно-Сибирской низменности перекрывает мощная глинистая толща турон-палеогенового возраста, надежно закрывшая нижележащую 1–5-километровую толщу глинисто-песчаных пород мела и юры, в том числе 200–400-метровую толщу песчаников сеноманского яруса верхнего мела. Вся территория Западно-Сибирской низменности осложнена тектоническими элементами, крупными и небольшими впадинами и поднятиями, структурами — ловушками нефти и газа. Таким образом, имелись все благоприятные условия для формирования месторождений нефти и газа, доказанные и опубликованные

выдающимся советским ученым, академиком И.М. Губкиным в книге «Учение о нефти» и других трудах. На совещании треста «Востокнефть» в 1934 г. он показал возможные процессы формирования месторождений нефти и газа в Западной Сибири, заявив: «Зоны глубоких депрессий являются тем местом, где осадки сапропелитового характера, погружаясь на значительную глубину, попадают в особые условия температуры и давления, где процессы разложения органического вещества продолжались в особо благоприятных условиях для возникновения диффузно-рассеянной нефти. В дальнейшем при явлениях тектонического порядка нефть начала концентрироваться в определенных местах, устремляясь на своем пути всякого рода барьерами в виде различных тектонических структур. Я полагаю, что у нас на востоке Урала, по краю великой Западно-Сибирской депрессии могут быть встречены структуры, благоприятные для скопления нефти» (Губкин И.М. Избр. соч. Т. II. 1953).

Еще учась на геологическом факультете, я услышал от профессора А.И. Оли это мнение И.М. Губкина. На одной из лекций он сказал, что Западно-Сибирская низменность будет иметь большое будущее. Именно тогда мне захотелось самому убедиться в справедливости этих предсказаний. И я горд, что именно мне с большим коллективом тюменских геологоразведчиков и ученых страны пришлось заниматься претворением в жизнь мыслей И.М. Губкина, организовывать поиски месторождений и отвечать за их результативность.

Теперь известно, что Западная Сибирь — это огромный нефтегазоносный мегабассейн, нефтегазоносная провинция. Путь к этому выводу был нелегок. Были ученые и геологи, не верившие в открытие здесь нефтегазовых месторождений. Но их было немного, большинство работало с энтузиазмом и верой в нефтяное будущее региона.

Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция была открыта в сентябре 1953 г., когда был получен мощный газоводяной фонтан из Березовской опорной скважины, завершенной бурением Березовской буровой партией, возглавляемой вначале А.Г. Быстрицким, а затем И.Д. Сурковым и старшим геологом Т.Н. Пастуховой. Когда мы в тресте получили диаграммы электрокаротажа этой скважины и результаты их интерпретации, оказалось, что в геологическом разрезе

нефтегазоносные горизонты отсутствуют. Но поскольку это была опорная скважина, то она подлежала опробованию, испытанию.

Какие горизонты опробовать, на какую глубину спускать обсадную колонну? Эти вопросы надо было решать срочно. При рассмотрении материалов мы обратили внимание на пропласток метровой толщины со слабовыраженным повышенным электросопротивлением. Он находился в слабопроницаемом пласте небольшой толщины, залегающем непосредственно на гранитах фундамента. Посоветовавшись с геологами геологического отдела треста, решили испытать его. Но возник вопрос, сумеем ли мы в обсадной колонне при простреле перфоратором точно попасть в маломощный пласт. Из моего опыта работы в Покровской буровой партии следовало, что это не всегда удается. Поэтому мы приняли решение опробовать этот пласт открытым забоем, т. е. спустить обсадную колонну до кровли пласта, испытать его и заодно вскрытые граниты фундамента, рассчитывая на их трещиноватость. Однако в службе главного инженера треста считали, что обсадную колонну труб надо спускать, поставить на забой скважины и не делать ее висячей во избежание обрыва. После многочисленных споров мне пришлось занять принципиальную позицию и настоять на своем предложении, после чего план опробования был утвержден мною и главным инженером треста И.М. Юрченко. Буровая бригада провела все необходимые работы согласно плану, но после разбуривания в обсадной колонне оставшегося в ее башмачной части цементного стакана и доступа к горизонту испытания открытым забоем начался подъем бурильных труб без долива глинистого раствора в скважину, что нарушало существующие правила безопасности ведения работ. В результате 21 сентября 1953 г. произошел газовый выброс. Более 200 м бурильного инструмента пролетело через одну из секций буровой вышки и упало вблизи скважины. Ревущий аварийный газовый фонтан наделал много шума в пос. Березово. Местное население, никогда не видавшее мощного газового фонтана, стало покидать поселок, переезжало на противоположный берег р. Северная Сосьва. Были и предостережения о «конце света».

Руководство треста приняло решение направить в Березово группу в составе И.М. Юрченко — главного инженера, Л.И. Ровнина — главного геолога и Ю.М. Шевченко — начальника производственной отдела треста. Была уже поздняя осень, в Березово шел снег.

Мы летели на самолете Ан-2, который мог садиться только на воду. Беспокоило, сможем ли приводниться без приключений. Посадка самолета прошла нормально, 24 сентября приземлились в Березово. Вслед за нами должна была прибыть специальная комиссия из Министерства нефтяной промышленности, возглавляемая начальником Главнефтегазразведки В.И. Кулявиным в составе главного геолога А.А. Шмелева, недавно переведенного в главк из Ухты, и инженера по технике безопасности С.Н. Лютова. Комиссия нас сильно напугала, поскольку на А.А. Шмелеве была одежда работника госбезопасности с голубыми погонами. Мы решили, что аварийный газовый фонтан может стоить нам дорого, с последующей работой где-нибудь в Магаданской области или в другом «краю отдаленном». Тем более что местное районное отделение КГБ ввело жесткое ограничение на работу буровой бригады, запретило фотографировать фонтан, установило охрану.

У первого газового фонтана, известившего об открытии Западно-Сибирского нефтегазового гиганта. Начальник Главнефтегазразведки Миннефтепрома СССР Василий Иванович Кулявин и главный геолог треста «Тюмень-нефтегеология» Лев Иванович Ровнин. Сентябрь 1953 г.

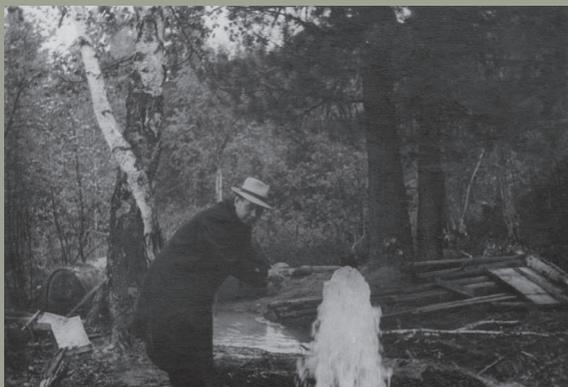

Скв. Березов-
ская-1. Первый
фонтан газа
Западной
Сибири. Первое
открытие.
Октябрь 1953 г.

Встреча
в честь 50-летия
первого
Березовского
газового
фонтана

Фонтан воды
из колонковой
скважины, про-
буренной
на берегу
р. С. Сосьва, близ
пос. Сартынья.
1955 г.

Газопроявление
на р. С. Сосьва,
близ Игримского
месторождения

Причал
Березовской
НРЭ на
р. С. Сосьва.
1954 г.

Работа на фонтане осложнилась морозной погодой. Буровая вышка превратилась в огромную ледяную пирамиду. Внутри вышки постоянно падали куски льда. К сожалению, не обошлось и без жертв, ледяным куском убило инженера главка. На устье скважины не было фонтанной арматуры, никаких задвижек, снят превентер. В этих условиях необходимо было срочно замерить дебит газа и воды. К несчастью, в буровой партии отсутствовали нужные приборы. Поэтому вместе с Т.Н. Пастуховой мы соорудили трубку Пито, сделали несколько замеров и вычислили средний дебит, составивший 1 млн м³ газа в сутки. Дебит пластовой воды, распылявшейся газом, замерить было нечем. И тогда возникло решение на площади 2 га ореола рассеивания воды по сетке через 25 м поставить одновременно несколько десятков имевшихся в продаже в местном магазине цинковых ведер и за определенное время замерить объем собранной воды. Оказалось, что скважина выбрасывает ежесуточно около 1 тыс. м³ воды. Вот тогда результаты замера дебитов и убедили нас, что скважина вскрыла приконтурную часть газовой залежи, причем большой дебит газа свидетельствовал о хорошей проницаемости газового пласта. А поскольку он был незначителен по толщине, у меня сразу возникло предположение, что граниты фундамента содержат газ в трещинах. Бурение следующих скважин это подтвердило.

Аварийный газовый фонтан требовал принятия срочных мер по его ликвидации. К работе комиссии Министерства подключили меня, И.М. Юрченко и Т.Н. Пастухову. Газовый фонтан долго не подавался глушению и только в июне 1954 г. был задушен.

Работая в поселке Березово, комиссия попыталась оценить размеры месторождения и высказала предложения об организации Обской геофизической экспедиции и расстановке разведочных скважин. Одновременно были даны указания о возвращении из Ханты-Мансийска двух сейсморазведочных партий Тюменской геофизической экспедиции.

Геофизические исследования, проведенные в Березовском районе, к марту 1955 г. позволили полностью оконтурить Березовскую, Деминскую и Алясовскую газоносные структуры. Глубоким бурением на этих структурах были открыты газовые месторождения. Затем последовали открытия Пахромского, Устремского и

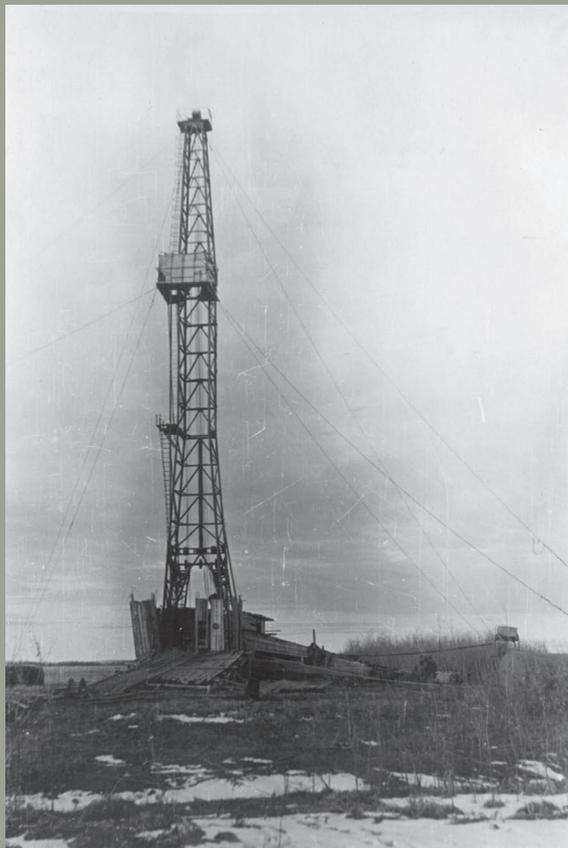
Чуэльского месторождений. Спустя несколько лет южнее Березовского месторождения было открыто еще несколько месторождений газа с конденсатом, ставших основой для проектирования газопровода в Свердловскую область. Самым крупным из них оказалось Пунгинское.

Такой результат стал возможен благодаря умелым творческим действиям геологических служб экспедиций, треста, их руководителей, геологов Березовской нефтеразведочной экспедиции Б.Э. Мургулия, А.Г. Юдина, М.Ф. Синюткина, Б.В. Савельева, Ф.Г. Потиха, службы глубокого бурения, буровых мастеров, руководителей и геологов треста «Тюменьнефтегеология» А.К. Шиленко, Л.И. Ровнина, И.М. Юрченко, Ю.Г. Эрвье, С.Г. Белкиной, Т.М. Кабаковой, геофизиков Тюменского треста «Запсибгеофизика» Ю.Н. Грачева, В.В. Анисимова, А.И. Ракитова, А.К. Шмелева, геофизиков Обской геофизической экспедиции С.И. Лева, М.П. Барабанова, Л.Г. Цибулина и многих-многих других специалистов производства. Особо выделялась творческая работа партии по подсчету запасов газа, которую мы специально создали в тресте. Начальник Таисия Никифоровна Пастухова, геологи О.А. Ремеева, Н.Ф. Берсенев, К.В. Островская успешно подсчитали и утвердили в Государственной комиссии по запасам СССР разведанные запасы всех месторождений Березовского газоносного района. Впоследствии Т.Н. Пастухова работала главным геологом Томского геологического управления.

Это был результат работы замечательных мастеров глубокого бурения: Николая Ивановича Григорьева (ныне Героя Социалистического Труда), Андрея Тарасова, Фадюшина, вышкомонтажника Н. Драцкого, руководителей Нарыкарской нефтеразведочной экспедиции П.С. Позднякова, М. Шаляпина, Л. Косухина и многих других участников открытия первого газоносного района Тюменской области в ставшей теперь главной Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

В организацию газопоисковых работ значительный вклад внесли руководители Березовского района и Ханты-Мансийского автономного округа. С ними было немало встреч. Как главному геологу — заместителю управляющего треста, мне часто приходилось решать проблемы доставки бурового оборудования к местам работ, обеспечения бригад продовольствием, объемами будущего строительства жилья, зависящего от объемов бурения и местоположения поисковых работ.

Деминское
месторождение
в Березовском
районе.
1954 г.

Аварийный
фонтан газа
с водой
на буровой
Пахромского
месторождения.
Под тяжестью
намерзшего льда
сломалась вышка

Аварийный
фонтан
на буровой
Пахромского
месторождения
газа в Березовс-
ком районе

На нескольких встречах меня спрашивали, почему я часто намекаю площади поисковых работ глубокого бурения в болотах, на значительном удалении от судоходных рек и вообще в труднодоступных районах. На этот вопрос обычно отвечал так: «...Хорошо Вас понимаю, но матушку-Природу невозможно изменить, она создавала месторождения миллионы лет назад, когда не было ни болот, ни административных районов и автономных округов. Природе надо сказать спасибо, что она не обошла Вашу территорию своим вниманием и наградила богатством Ваши недра».

Областные партийные и советские руководители оказывали конкретную помощь в развитии нефтегазопроисковых и разведочных работ и лично участвовали в рассмотрении трудных вопросов на встречах с коллективами буровых партий, экспедиций. Главное было в том, что тюменский коллектив молодых геологов (а нам тогда было чуть больше 30–35 лет) на первом этапе открытия Западно-Сибирской провинции оправдал надежды государства, затратившего немало средств на финансирование поисково-разведочных работ. Этому способствовало и назначение в 1956 г. управляющим треста «Тюмень-нефтегеология» Юрия Георгиевича Эрвье, руководителя, посвятившего свою жизнь раскрытию богатств Тюменской области. Благодаря его энергичным действиям стали расти объемы глубокого бурения и сейсморазведки, строительства жилья, использования авиации.

Геологическая служба треста давно была озадачена, где проводить дальнейшие поиски месторождений. В определенной степени мы опирались на свои накопленные фактические геологические материалы и знания, на предложения ученых В.П. Казаринова, Н.Н. Ростовцева, академика С.Ф. Федорова. Они заключались в необходимости расширения поисковых работ к югу от Березовской газоносной зоны и в центральной части Западно-Сибирской низменности. Однако на какие конкретные площади выходить, было неизвестно. Мы, геологи на производстве, не отрицали выводов и предложений ученых, понимали, что и наши первичные геологические материалы глубокого бурения требуют хорошего ускоренного анализа, который обычно проводился в лабораториях научно-исследовательских институтов. Но сильно мешала сезонность работы ученых. Как правило, их отряды приезжали в начале лета, отбирали образцы керна пробуренных за прошедшую осень и зиму скважин, год анализировали их в лабораториях, год писали отчеты, а потом

результаты обсуждали на своих институтских совещаниях и конференциях. К нам официально поступали только результаты анализов, и то не всегда, и редко итоговые отчеты.

Такая связь с учеными нас не устраивала. Геологическая служба и руководство треста приняли решение создать солидную собственную центральную лабораторию и партию оперативного анализа получаемых геологических данных.

У нас была своя небольшая лаборатория, которую организовал еще в 1949 г. А.П. Стовбун, химик по образованию, замечательный организатор и производственник. Ему помогал А. Звездов. Ее мы и решили расширить за счет создания петрографической, палеонтологической тематических групп, лабораторий химического анализа пластовых вод, физики пласта и др. Управляющий трестом Ю.Г. Эрвье с пониманием отнесся к этому предложению, заявив, что будет построено здание центральной лаборатории. И когда оно было построено, мы создали крупнейшую центральную лабораторию, состоящую из специализированных лабораторий, не имеющую аналогов в Сибири и на Дальнем Востоке. Позднее, когда уже были открыты первые месторождения нефти, центральную лабораторию обеспечили современным оборудованием для спектрального анализа, определения кристаллических решеток минералов, физических свойств пород и минералов, анализа качественного состава газов и нефти. Приобрели электронный микроскоп, различные приборы.

По существу была создана научно-исследовательская лаборатория российского масштаба, которой более 40 лет руководил мастер своего дела Алексей Петрович Стовбун. Он умело планировал и выполнял 1000 анализов керна, проб нефти, газа, подземных вод, образцов горных пород, торфа для нужд нефтегазоразведочных экспедиций, тематических партий по подсчету запасов нефти и газа, оперативного анализа.

Каждая лаборатория в конце года была обязана представить тематический отчет с выводами и предложениями. С этой работой прекрасно справлялись выросшие у нас специалисты С.И. Пуртова, Б.В. Топычкапов, Т.А. Ястребова, И.Г. Звездова, Л.В. Ровнина, Т.С. Безрукова, Н.Ф. Дубровская, Е.Б. Раевская, И.И. Ващенко, Н.Б. Шеянова, М.С. Сорока, В.И. Левина, Т.Ф. Зайцева, О.Т. Киселева, М.А. Поплавская, Г.А. Стовбун, М.А. Вовк, С. Тржецкая и другие.

У здания
лаборатории
производст-
венного корпуса.
Март 1979 г.

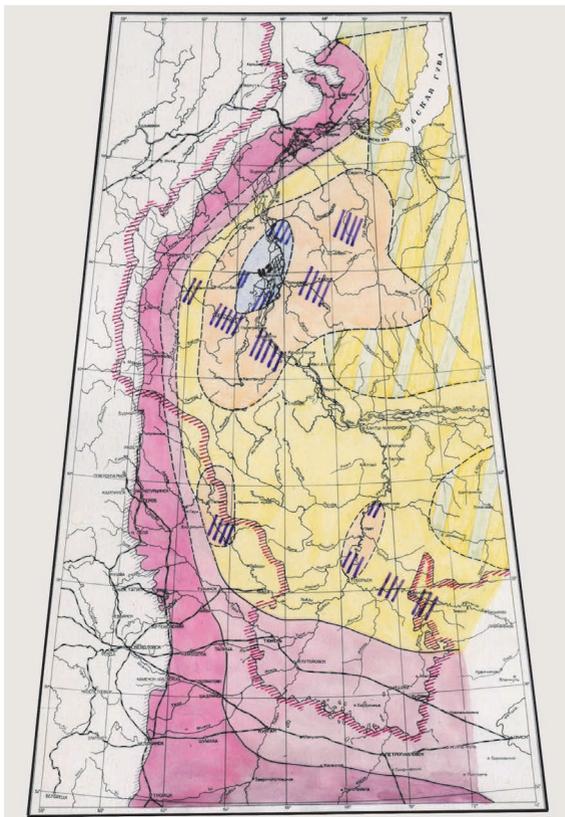
А.П. Стобун,
Л.В. Ровнина

Ранее созданная небольшая партия оперативного анализа, возглавляемая Г.К. Боряских, а позднее В.Г. Смирновым, превратилась в серьезную научную группу, способную делать не только общие прогнозы нефтегазоносности мезозойских отложений по значительным территориям, но и по конкретным площадям. В пос. Березово тематическую группу возглавила Л.П. Климушина. Таким образом, мы решили проблему своевременной подготовки ежегодных и пятилетних планов геофизических и буровых работ, размещения их на конкретных площадях. Нам удалось связать воедино их действия с работой геологического отдела треста и создать геологический штаб, способный с участием работников ВНИГРИ, ВСЕГЕИ, СНИИГГиМСа, ИГиРГИ правильно выбирать направления поисково-разведочных работ, совместно составлять тектонические, структурные карты,

карты прогнозов нефтегазоносности мезозойской осадочной толщи территории Тюменской области.

Министерство нефтяной промышленности, которому трест подчинялся до 1957 г., а затем и Главгеология РСФСР установили порядок утверждения ежегодных планов работ. Обычно в августе — сентябре главных геологов вызывали в Москву с предложениями, где закладывать новые скважины, где проводить зимнюю сейсморазведку, поскольку летом по тюменским болотам передвигаться невозможно, да и зимой геофизики часто «топили» тракторы в болотах. Руководители геологической службы Миннефтепрома М.Ф. Мирчинк, А.А. Бакиров, А.Н. Мустафинов, А.А. Шмелев, В.В. Федынский рассматривали наши предложения и не всегда соглашались с ними. Часто возникала парадоксальная ситуация, когда

Карта прогнозов нефтегазоносности мезо-кайнозойских отложений западной части Западно-Сибирской низменности. Составители: Л.И. Ровнин, В.Д. Наливкин, Г.П. Сверчков, Г.К. Боярских, Е.С. Рожен, С.Г. Белкина. 1957 г.

контур площади поисков, отмеченный на карте, оказывался или в болоте, или далеко от воды, в месте, неудобном для бурения. В таких случаях надо было обращаться в Москву с просьбой разрешить перенос в удобное место. Такие вопросы в Министерстве обычно решались долго, ссылаясь на их серьезность, на необходимость совещания. Все это снижало ответственность главных геологов трестов.

Вспоминается деловое совещание, проведенное в Министерстве в 1953 г., на которое я был приглашен для обсуждения вопросов проведения дальнейших нефтепоисковых работ. В нем участвовали главные геологи крупных нефтепоисковых и нефтедобывающих организаций страны. Тогда в Западной Сибири результативность поисков была нулевая. За годы работы не было открыто ни одного месторождения ни в Кузбассе, ни в Западной Сибири. Только трестом «Арктикнефтеразведка», проводившим поисковые работы в Усть-Портовском и Хатангском районах, на севере Красноярского края были открыты небольшие газовые и одно нефтяное месторождения. Меня сначала удивили высокие требования, предъявленные к главным геологам треста «Запсибнефтегеология» И.П. Карасеву и «Арктикнефтегазразведка» М.К. Калинко. Однако потом из их выступлений я понял, что ответственность ложится и на Миннефтепром.

На этом совещании, несмотря на возражения главных геологов и некоторых ученых, было принято решение о сокращении объемов поисковых работ в Западной Сибири и их прекращении в арктической части Красноярского края. В соответствии с этим решением нашему тресту не разрешалось выходить с буровыми работами севернее Ханты-Мансийска, а две сейсморазведочные партии Тюменской геофизической экспедиции, работавшие в районе Березово, было предложено перебросить в Ханты-Мансийск, что и было сделано. И если бы не опробование открытым забоем Березовской опорной скважины, газового фонтана могло и не быть. Тогда открытие нефтегазоносной провинции задержалось бы на долгие годы.

Запасы газа, обнаруженные в Березовском газоносном районе, привлекли внимание металлургической промышленности соседних областей, в частности, Свердловской, испытывавшей повышенную потребность в газе. Руководители Свердловской области неоднократно обращались с просьбой к тюменским геологам ускорить

разведку газа, довести его до объема, достаточного для обеспечения строительства газопровода на Урал. Это позволяло повысить производительность труда металлургов и значительно увеличить производство стали. Оно нашло отражение в шестом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1956–1960), в котором были поставлены задачи: «...Усилить геологопоисковые и разведочные работы по выявлению новых газовых месторождений... и подготовить к эксплуатации Березовское месторождение газа... Приступить к строительству газопроводов Березово — Свердловск...». Это задание определило деятельность тюменских нефтегазоразведчиков. Оно свидетельствовало о большом внимании государства к созданию новой топливно-энергетической базы в Западной Сибири.

В 1956 г. руководители трестов «Запсибнефтегеофизика» и «Тюменьнефтегеология» направили Тюменскому обкому КПСС записку о форсировании нефтепоисковых, геофизических и разведочных работ в Тюменской области. В ней мы подчеркнули: «Мы твердо уверены в том, что при достаточном внимании и помощи нефтегазоразведочным организациям — трестам «Запсибнефтегеофизика» и «Тюменьнефтегеология» — в Тюменской области будет создана сырьевая база для строительства крупнейших в СССР объектов нефтяной, газовой и химической промышленности... Основой экономики Тюменской области в будущем должна быть ее нефтяная и газовая промышленность».

Довольно смелое утверждение для того времени, когда еще не было открыто ни одного месторождения нефти. Но оно базировалось на наших убедительных научных выводах и тщательном изучении огромного объема геолого-геофизического материала.

Взросшие объемы работ требовали от геологов еще большего профессионального мастерства, перегруппировки сил для наступления на новые районы поиска. Поэтому в 1957 г. по предложению Ю.Г. Эрвье приказом начальника Главгеологии РСФСР С.В. Горюнова тресты «Тюменьнефтегеология» и «Запсибгеофизика» были объединены в Тюменский геологоразведочный трест. Управляющим был назначен Ю.Г. Эрвье, главным инженером — П. И. Рожен, главным геологом — Л.И. Ровнин, главным геофизиком — В.В. Аксимов, заместителем управляющего — А.Г. Быстрицкий.

Обсуждение проблем поиска нефти и газа проходило в Тюмени на крупных совещаниях с участием академика А.А. Трофимука и профессора Н.Н. Ростовцева, крупнейших ученых Сибири. Они давали возможность расширить способы и методы научного анализа, методике поисковых работ. В сентябре 1957 г. в Новосибирске был создан Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), который возглавили М.В. Касьянов, В.П. Казаринов, Д.Ф. Уманец. Ученые института в тесном сотрудничестве с тюменскими и новосибирскими геологами, учеными Сибирского отделения Академии наук СССР решали многочисленные задачи по геологическому изучению и оценке перспектив нефтегазоносности недр Западной Сибири.

На одном из наших производственных совещаний в Тюмени мы рассматривали вопросы перспектив развития поисковых работ. Было принято решение расширить фронт поисков на южном продолжении Березовской газоносной зоны и на территории Ханты-Мансийской впадины. К этому нас призывал и профессор А.А. Бакиров, побывавший в Тюмени. Он еще раз подтвердил выводы И.М. Губкина, что наибольшими перспективами обладают наиболее погруженные зоны впадин, где накапливались километровые толщи песчаников и глин с высоким содержанием органики. Об этом он заявил в областном комитете партии.

Предложения о районах поиска были немногочисленны. В такой обстановке требовались собранность, внимательное и, вместе с тем, критическое отношение к предложениям, высокая ответственность в выборе нужных направлений поисково-разведочных работ и правильных решений. Этими качествами обладали многие тюменские геологи. Именно они прокладывали дорогу к нефти, настоятельно требовали увеличения объемов сейсморазведки и глубокого бурения.

В декабре 1957 г. в связи с ростом объемов нефтегазоразведочных работ приказом начальника Главгеологии РСФСР С.В. Горюнова Тюменский геологоразведочный трест был преобразован в Тюменское территориальное геологическое управление. Дела в области пошли быстрее. Развернулись поисковые работы в районе поселков Игрим, Нарыкары, Шеркалы, Шаим, г. Тобольск. Увеличился поток на север тяжеловесных грузов: буровых установок, труб, цемента,

тракторов, автомашин, подъемных кранов, сейсмостанций. Их перевозили единственным путем — по рекам Тура, Иртыш, Обь и ее притокам. Тогда других дорог на север не существовало. Усилиями Ю.Г. Эрвье у нас появился собственный речной флот, всевозможная техника, вертолеты. Все наши мысли были обращены к нефти: где и когда она будет? И вот апрель 1958 г., опорная скв. Мало-Атлымская, куда мы прибыли с главным инженером треста П.И. Рожен. Здесь мы и получили первую тюменскую нефть из песчаников юрского возраста. Совсем немного, промышленного значения она не имела. Вместе со старшим геологом С.И. Терехиным мы набрали всего около 2 т нефти. Но это была первая тюменская, легкая, почти бессернистая нефть, полученная на берегу р. Обь, в 200 км южнее пос. Березово, свидетельствующая о том, что тюменские геологи и ученые не ошиблись в своих прогнозах.

Расширение нефтегазопромысловых работ требовало укрепления научно-исследовательской базы в Тюменской области. В начале 1960 г. создается Тюменский филиал Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья. Он объединил энергичных ученых Н.Н. Ростовцева, Г.П. Богомякова, И.И. Нестерова, Н.Х. Кулахметова, М.Я. Рудкевича, В.К. Монастырева. Ученые и специалисты филиала активно включились в научно-исследовательскую работу. В тесном содружестве с ними работали и

Л.И. Ровнин и старший геолог И.С. Терехин наливает первую тюменскую нефть из скв. Мало-Атлымская. Апрель 1958 г.

специалисты Тюменского территориального геологического управления. Тюменских геологов интересовало, как далеко на юг простирается газоносная зона.

Чтобы разобраться в геологическом строении предуральской территории Западно-Сибирской низменности, было намечено выйти с геофизическими работами в верховье р. Конда. К лету 1959 г. Ханты-Мансийская нефтеразведочная экспедиция, возглавляемая И.М. Жуком, главным инженером В.В. Соболевским, главным геофизиком Е.В. Суторминым и главным геологом М.М. Бинштоком, в районе небольшого пос. Шаим выявила Мулымьинскую перспективную структуру. Ее подготовку для глубокого бурения осуществила сейсморазведочная партия под руководством А. Гершаника. В навигацию 1959 г. сюда с большим трудом завезли буровое оборудование и материалы. Для бурения первой скважины Ю.Г. Эрвье направил в Шаим лучшего бурового мастера С.Н. Урусова (удостоенного позже звания Героя Социалистического Труда). Его бригада имела большой опыт скоростного бурения глубоких скважин. Первая скважина при опробовании открытым забоем пород фундамента дала 10 т нефти. Это уже было больше, чем в скв. Мало-Атлымская, это была радость, радость победы!

Мы знали, что, как и на березовских газовых месторождениях, на крыльях шаимских структур ожидаются выклинивающиеся песчаные пласты юрского возраста. Поэтому я дал указание срочно заложить скв. 6 на восточном крыле, которую бригада С.Н. Урусова начала бурить в мае 1960 г. К этому времени уже была создана Шаимская нефтеразведочная экспедиция, ее возглавил М.В. Шалавин, один из опытных геологов Тюменской области. 22 июня 1960 г. в Тюменское территориальное геологическое управление от него поступила радиogramма с сообщением о мощном фонтане нефти из скв. 6. Она дала в сутки 400 т. Так была получена первая промышленная западно-сибирская нефть — итог многолетнего поиска большого коллектива тюменских нефтеразведчиков.

В управление поступали многочисленные телеграммы с поздравлениями. На скв. 6 побывали секретарь обкома КПСС А.К. Протозанов, академик А. А. Трофимук, начальник Главгеологии РСФСР С.В. Горюнов. Все понимали, что Тюменская область вышла на прямой путь к созданию новой нефтяной базы страны.

Наши взоры постоянно обращались на центральную часть Западно-Сибирской низменности. По нашим представлениям и ученых Н.Н. Ростовцева, А.А. Трофимука, А.А. Бакирова, В.Д. Наливкина центральная часть низменности обладала всеми геологическими условиями, необходимыми для формирования месторождений нефти. Поэтому поиск продолжался, набирая темпы.

В восточной половине Тюменской области работало Новосибирское геологическое управление, возглавляемое Ю.П. Номикосовым, Ю.К. Мироновым и В.М. Злобиным. Его Сургутская нефтеразведка, вошедшая в конце 1959 г. по решению руководителей Тюменской области в состав Тюменского территориального геологического управления, бурила скважины на Сургутской, Пимской, Мегионской площадях.

Летом 1960 г. я побывал на скв. 1 Мегионской площади. Техник-геолог, фамилию его не помню, потерявший на войне руку, показал мне поднятый из скважины керн. При внимательном осмотре оказалось, что 3-метровый прослой песчаников на глубине 2175–2178 м в аргиллитах валанжина издает запах нефти. Его мы и простреляли при опробовании скважины. Перед тем как определить интервал первого объекта перфорации обсадной колонны, мы получили заключение интерпретаторов электрокаротажа. Они не обнаружили в скважине ни одного нефтяного пласта.

Испытание первого интервала дало существенный результат, скважина зафонтанировала чистой нефтью с дебитом более 100 т/сут. Сразу же возникло предположение, что работает какой-то другой пласт. Ниже интервала испытания хороших проницаемых пластов по каротажной диаграмме не было. А по оценке интерпретаторов выше залегает 20-метровый пласт водоносных песчаников.

Тогда я дал указание прострелять его. После этого дебит нефти вырос до 240 т/сут. Так был открыт ставший теперь знаменитым пласт Б₈, открыто Мегионское месторождение нефти, предвестник уникального по запасам нефти Самотлорского месторождения. В это открытие много энергии вложили руководители Сургутской экспедиции Ф.К. Салманов, Б.В. Савельев, А.Т. Горский, бригада бурового мастера Г.И. Норкина.

Мне довелось много раз участвовать в работах, связанных с открытием месторождений нефти и газа. И должен сказать, что время

Гидропорт на оз.
Андреевское в
Тюмени. Перед
вылетом в Шаим.
Октябрь 1959 г.

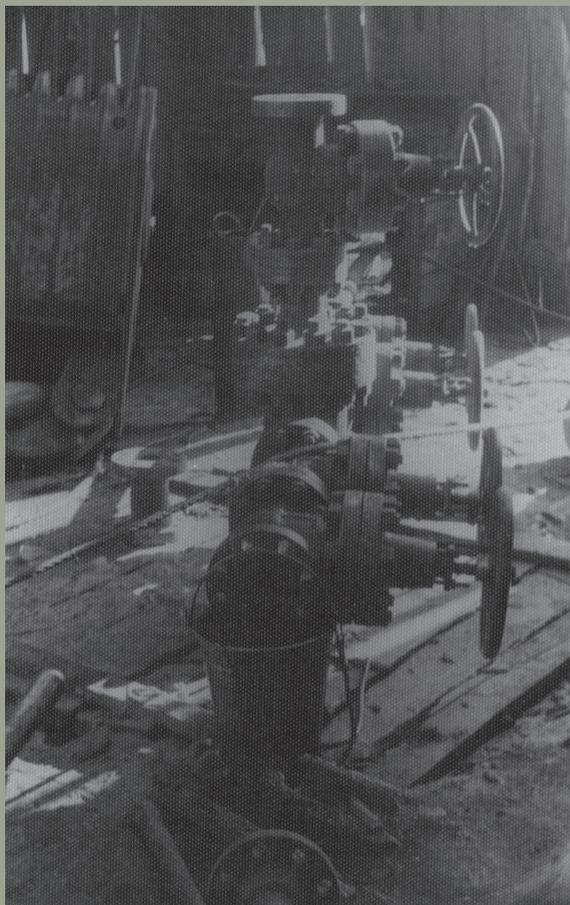

Скв. Р-6
на Шаимской
площади.
1960 г.

Первый
в Западной
Сибири фонтан
промышленной
нефти из скв. 6
Шаимского
месторождения:
 $Q = 400 \text{ т/сут}$

Скв. Р-1
на Малом
Атлыме.
1958 г.

подготовки скважины к испытанию и само проведение испытания — это время тревог и ожиданий, время большой радости, ликования и гордости, когда видишь, что труд нефтеразведчиков, нелегкий, титанический, завершился успехом. Так было в Усть-Балыке, Тазовске, на Салыме.

Особенно запомнилось открытие Усть-Балыкского месторождения.

Осенью 1961 г., когда мы с Ю.Г. Эрвье были в областном комитете партии у Б.Е. Щербины, мы заявили, что к началу работы XXII съезда партии откроем не менее двух месторождений нефти и одно из них будет Усть-Балыкское. Наша уверенность была результатом летней поездки в Усть-Балык на бурящуюся скв. 62. Тогда мы с геологами Фарманом Курбановичем Салмановым, Борисом Власовичем Савельевым и Евграфом Артемьевичем Тепляковым смотрели первый нефтяной керн — поднятую из скважины породу. Его запах принес много радости. Ведь это был первый в Сургутском Приобье нефтяной керн, свидетельствующий о больших перспективах. Как все геологи, мы прикинули запасы нефти по этому пласту. Получилась внушительная цифра. Тут же Евграф Тепляков начал мечтать о нефтепромысле. А когда мы, возбужденные, радостные, добрались до гидросамолета, где нас поджидал летчик Михаил Иванович Медведев, смеясь, сказали ему, что на том месте, где он стоит, будет большой причал, от которого пойдет большая нефть. Медведев тоже радостно сказал: «Доброе дело сделаете».

К 1 октября 1961 г. скв. 62 была закончена бурением, готовились к спуску обсадной колонны. А 4 октября я прибыл в Сургут для ее оперативного испытания. К испытанию была также подготовлена скв. 1 на Ермаковской площади, находившейся по соседству с Мегионом, где также ожидали открытие. Чтобы обеспечить большую оперативность в работе, на Ермаковскую площадь был направлен главный геолог Сургутской экспедиции Б.В. Савельев, а начальник партии по испытанию М.М. Биншток и старший геолог Усть-Балыкской партии Евграф Тепляков — на скв. 62.

Мы с Фарманом Салмановым, оставшись в Сургуте и имея круглосуточную связь с Усть-Балыком и Ермаками, решали методические и хозяйственные вопросы, связанные с испытанием скважин. При этом все наши решения и соображения докладывались в Тюмень. Так требовало дело.

Нефтяной
фонтан
из скв. Усть-
Балькская-62.
18 мая 1961 г.

Первоначально было решено в скв. 62 испытать пласт, из которого был поднят нефтяной керн. В труде, тревогах и ожидании шли дни. Наконец, после 5-дневных работ получили... воду. Это была серьезная неудача. Но отчаянию никто не поддавался, поскольку в запасе были еще два нефтяных пласта, о существовании которых мы знали по данным электрокаротажных работ. Без промедления на буровую дали указание — водоносный горизонт залить цементом и приступить к испытанию следующего объекта. Однако когда стали готовиться к заливке цемента, оказалось, что на буровой не хватает насосно-компрессорных труб. Взять их, кроме как в Сургуте, нигде. А до Сургута — 130 км, причем навигация давно закончена, по р. Обь и ее притоку Большому Югану — забереги, обстановочных огней нет. Уже наступали холода, на земле лежал снег. И в таких условиях нужно было обернуться за ночь. И вот капитан одного из катеров, фамилии его, к сожалению, не запомнил, согласился привезти трубы.

И действительно, к утру трубы были доставлены на буровую, а к вечеру произведена заливка цемента. Но как всегда получается: когда спешишь, тогда и несчастье. На следующий день, когда стали проверять цементный стакан, его в колонне не оказалось, а водоносный горизонт фонтанировал водой. Тогда, посоветовавшись с Е. Тепляковым, старшим инженером по бурению Усть-Балькской партии М.И. Ветровым, решили закачать в скважину глинистый раствор и снова залить цемент, и через двое суток цементный стакан плотно запечатал водоносный пласт.

Весь коллектив Сургутской экспедиции жил в напряжении. Многие приходили на радиостанцию и спрашивали: «Чего тянут? Когда фонтан?» Надо сказать, что начальник радиостанции Владимир Жданов со своими радистами проявил большую изобретательность и настойчивость в установлении круглосуточной связи с буровой. Задержек информации с буровой не было, мы знали каждый час кто, что и где делает.

Конечно, особенно много работы выпало на долю буровой бригады, испытывавшей скважину. Случилось так, что перед самым началом испытания из бригады ушел буровой мастер. Руководство бригадой было поручено буровику Г.П. Жумажанову. Не досыпая, в начавшуюся октябрьскую стужу поистине героически трудились люди. Во что бы то ни стало получить нефть, ведь в этих краях ее еще не было, — вот чем они жили все эти дни.

Наконец, настал день. К утру 15 октября 1961 г. закончили прострел скважины против предполагаемого нефтяного объекта и начали спуск труб. В полдень из скважины стали откачивать воду для возбуждения пласта. Уровень снижался не быстро: 100, 200, 500. Никакого фонтана нет. 600 м — все спокойно. Глубина уже превышала предел, после которого редко бывают нефтяные фонтаны. Невеселые мысли пронеслись в это время у меня и у всех, кто жил эти дни в тревожном ожидании. Мы молча сидели на рации, обдумывая, что же могло случиться. Почему нет фонтана? И вдруг В. Жданов схватился за наушники и закричал: «Фонтан!» Кажется, мы вначале даже усомнились в этом, не поверили. Но вот на телеграфном бланке появились долгожданные, такие дорогие сейчас слова: «Сургут. Ровнину, Салманову. Скважина начала фонтанировать нефтью. Длина струи 10 м. Тепляков, Ветров».

Это была радость, которую невозможно выразить словами. Это была гордость за геологов, буровиков, геофизиков — за всех, кто вложил частичку своих мыслей и жизни в новое открытие — первый фонтан на Усть-Балыке. Особенно близка и понятна она тем, кто начиная с 1949 г. в поисках нефти измерял труднодоступную тюменскую землю, кто терпел неудачу за неудачей долгие, нелегкие годы.

В тот же день в Кремль, в президиум XXII съезда, на имя тюменской делегации ушла телеграмма. В ответ была получена поздравительная правительственная с пожеланиями больших успехов и дальнейших открытий.

Такова история открытия одного из самых крупных в стране месторождений нефти. Конечно, то, о чем я рассказал, — частица большой и напряженной работы всего коллектива Сургутской экспедиции. Позднее он совершил еще много славных дел, сделал много новых открытий.

В этот же день, 15 октября 1961 г., Шаимской экспедицией было открыто Мортымьинское месторождение нефти.

В последующие годы были открыты десятки новых месторождений героическими усилиями Сургутской, Усть-Балыкской, Мегионской, Правдинской нефтеразведочных экспедиций.

Правильная оценка нефтегазоносности юрских и меловых отложений на территории Западно-Сибирской низменности вылилась в открытие крупнейшей нефтяной зоны, протянувшейся на 800 км от Шаима до Мегиона. Это был конкретный результат политики обеспечения потребностей страны собственными источниками нефти.

Правительство страны, отраслевые министерства постоянно следили за ходом нефтегазопроисковых работ в Западной Сибири. Страна направляла в Тюмень новые буровые станки, трубы, цемент, сборные жилые дома, геофизическое оборудование — все, что требовалось для усиления поисков и разведки нефти. Благодаря большой заботе и вниманию в Тюменской области сформировались и окрепли геологоразведочные коллективы. Секретари обкома КПСС Б.Е. Щербина, А.К. Протозанов, Е.А. Огороднов, Хантыманийского окружкома КПСС П.М. Телепнев, Сургутского райкома КПСС В.В. Бахиллов вели огромную политическую и организаторскую работу, направленную на расширение объемов геологической разведки, улучшение ее материально-технического обеспечения и социальных условий геологоразведчиков. В местах базирования нефтеразведочных экспедиций выросли поселки Игрим, Шаим, Мегион, Нефтеюганск, Уренгой, ставшие известными всей стране. В них жили геологи, буровики, геофизики, вышкомонтажники, водители, строители и многие другие специалисты, объединенные одним общим делом — геологоразведкой. Люди, влюбленные в свои профессии, мужественные и сильные духом. Они работали, созная, что их труд нужен всей стране и каждому советскому человеку. Чтобы обеспечить нормальные условия жизни геологоразведчикам и их семьям, строили дома, детские сады, школы, продовольственные и промтоварные магазины, клубы, медицинские пункты, библиотеки.

Фонтан нефти
на Усть-Балькском
месторождении.
18 октября 1961 г.

Скв. 50
на Западно-
Сургутской
площади.
17 ноября 1962 г.

Жилые
вагончики.
Правдинская
НГРЭ

Первая нефть
Мегионского
месторождения

Справлялись свадьбы, рождались дети. В гости к геологам стали приезжать областные и московские артисты. Люди, чьим героическим трудом прославлена индустриальная Сибирь, заслужили внимание, любовь и заботу своей страны, своего народа.

В 1963 г. за выдающиеся успехи в открытии и разведке месторождений С.Н. Урусову, буровому мастеру Шаимской нефтегазо-разведочной экспедиции, и Ю.Г. Эрвье, начальнику Тюменского геологического управления, присвоены высокие звания Героев Социалистического Труда. Многим геологоразведчикам вручили ордена и медали. Я был награжден орденом Ленина. В 1964 г., в день рождения В.И. Ленина, звания лауреатов Ленинской премии присвоены ведущим специалистам и ученым В.В. Анисимову, С. Г. Белкиной, А.Г. Быстрицкому, Л.И. Ровнину, Б.В. Савельеву, Л.Г. Цибулину, Ю.Г. Эрвье, А.Г. Юдину, В.П. Казаринову, Н.Н. Ростовцеву, М.К. Коровину, В.Д. Наливкину, Т.И. Осыко за научное обоснование перспектив нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности и открытие первого в этой провинции Березовского газоносного района.

Такая высокая оценка обязывала трудиться еще лучше и больше, еще упорнее. Мы стали лучше жить и увереннее работать.

Очень хочется сказать несколько слов о тюменских авиаторах. От летчиков зависело очень многое, и они это хорошо понимали. Открывали новые авиатрассы самолеты Ли-2 и Ан-2 — трудяги, как их называли геологи. В 1958 г. в тюменском небе появились вертолеты Ми-1 и Ми-4, а позднее — Ми-6 и Ми-8. Они обеспечили интенсивную перевозку необходимых грузов на буровые и в сейсморпартии. Небесными асами мы считали И.Т. Хохлова и Ю.А. Южакова (ныне Герои Социалистического Труда), А.С. Антонова, командира Ан-2 М.И. Медведева. С тяжелым грузом они садились на любые площадки, летали в труднейших метеорологических условиях. Прямо надо сказать: без помощи авиации, без замечательных тюменских летчиков и вертолетчиков широко развернуть поисково-разведочные работы было бы невозможно. Труд тюменских авиаторов заложен в каждом ныне известном месторождении нефти и газа Западной Сибири.

Обилие открытий, прогнозов, масштабность поиска требовали шире развернуть научно-исследовательскую работу. В Тюмени создается Западно-Сибирский научно-исследовательский геологораз-

ведочный нефтяной институт (ЗапсибНИГНИ), который возглавили Н.Н. Ростовцев и Г.П. Богомяков. Тюменские ученые и геологи видели перспективу гигантского комплекса топливной энергетики. Поэтому все силы были брошены на уточнение прогнозов и направлений нефтегазопоисковых работ, на решение возникающих проблем, подготовку новых кладовых нефти и газа. Время подгоняло. Открытия следовали одно за другим.

Оставался пока малоизученным север Тюменской области, а вернее, территория Ямало-Ненецкого автономного округа.

Еще в 1958 г. специалистами и учеными новосибирских трестов «Запсибнефтегеология», «Сибнефтегеофизика», тюменских трестов «Тюменьнефтегеология» и «Запсибнефтегеофизика», Научно-исследовательского института геологии Арктики (Ленинград), Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института (Ленинград), Всесоюзного научно-исследовательского института геофизических методов разведки (Москва) была опубликована монография «Геология и нефтеносность Западно-Сибирской низменности», обобщившая накопившиеся геологические материалы. В ней мне и Ю.К. Миронову — главному геологу треста «Запсибнефтегеология», при участии В.П. Казаринова — управляющего трестом «Сибнефтегеофизика», предстояло обобщить большой объем имеющихся материалов по разделам нефтеносность и газоносность и прогнозам нефтегазонности. После длительных споров и обсуждений мы подготовили схематическую карту нефтеносности и газоносности мезозойских отложений Западно-Сибирской низменности. В ней были отражены все наши оценки перспектив и районирование территории по перспективам стратиграфических комплексов. Особенно острые споры вызвала оценка нефтегазонности песчаной толщи сеноманского яруса верхнего мела, залегающей под километровой глинистой покрывкой. С точки зрения формирования месторождений это были идеальные условия, поскольку я не сомневался в наличии возможных поднятий — ловушек углеводородов. Но были и возражения и сомнения некоторых ученых. Мне пришлось занять принципиальную позицию и настоять на высокой оценке перспектив сеноманской толщи в связи с тем, что она широко распространена по всей территории Тюменской области и перечеркивать ее, совершенно неизученную, было непозволительно, да и противоречило моим геологическим представлениям. Меня под-

Шаим.
1964 г.

Тюменское ГУ.
У меня
в кабинете.
Слева направо:
Л.Г. Цибулин,
А.Г. Юдин,
В.Ф. Никонов,
Л.И. Ровнин.
1963 г.

Лауреаты Ленинской премии Тюмени.
Слева направо: А.Г. Быстрицкий, Ю.Г. Эрвье, С.Г. Белкина,
Л.И. Ровнин, В.В. Аксимов

держал Ю.К. Миронов. Так на схеме прогнозов в оценке перспектив нефтегазоносности мезозоя появился индекс, обозначающий сеноманский ярус.

В 1959 г. на большом совещании геологов Сибири, проходившем в здании Новосибирского облисполкома под председательством первого заместителя Главгеологии РСФСР Е.Я. Дмитриева, в моем докладе прозвучал призыв начать изучение севера сейсморазведкой и глубоким бурением и прекратить малоинформативное бурение мелких структурных скважин (500-метровых). Для этого было достаточно оснований. Но не всем это понравилось. Один из работников Госплана СССР в выступлении заявил, что «Ровнин напрасно тащит нас к белым медведям. Если там будут открыты нефть и газ, то трубопроводы туда по болотной тундре строить не будем, они очень дорогие». Но, несмотря на возражения, при подготовке решения совещания пришлось снова проявить настойчивость, и тогда появилась запись в п. 9: «Учитывая, что опорное бурение — дорогостоящий вид работ, а также то, что северная часть низменности труднодоступна и заболочена, рекомендовать в этом районе проведение широкого комплекса региональных аэрогеофизических исследований с применением метода точечного зондирования и обменных волн». Одновременно в п. 8, предусматривающий бурение опорных скважин, была вписана скв. Тазовская.

Решение этого совещания дало нам право планировать в семилетнем плане (1959–1965) соответствующий разворот геофизических, региональных и площадных работ. Что и было сделано.

Сейсмозондированием были открыты Губкинская и Комсомольская структуры в районе пос. Тарко-Сале на р. Пурпе. Южнее пос. Тазовское площадной сейсморазведкой выявлено Тазовское поднятие, на которое с огромными трудностями завезли буровое оборудование и начали бурение первой тюменской скважины за полярным кругом. По этой скважине мы, геологи, не услышали обычных нареканий буровиков: «Опять будем работать в болоте, опять кормить комаров». Надо сказать, что, утверждая точки бурения скважин, мы старались выдать их в удобных местах. Понимали, что точку на карте поставить легко, а вот все остальное — доставка буровой установки, труб, цемента, вагонов-домиков, цементных агрегатов, электрокаротажных и газокаротажных станций — ложилось на плечи транспортников, вышкомон-

тажников, буровых бригад. Поэтому выбор точки всегда происходил с участием топографа, геолога, бригадира вышкомонтажной и бурового мастера буровой бригад. Если точка в чем-то не устраивала, ее переносили в другое место. Такое право геологическая служба ТТГЦ получила для постоянного применения от начальника Главгеологии РСФСР С.В. Горюнова в 1960 г.

Скв. Тазовская построили на высоком сухом берегу р. Таз, в 17 км от пос. Тазовское. Здесь же построили несколько домов для проживания буровой бригады и инженерного персонала.

Когда проектировалась скважина, было много жарких споров. Геологи ленинградского института ВНИГРИ настаивали на ее бурении у пос. Самбург. Тюменские геологи отстаивали тазовский вариант: по скудным геофизическим данным близ пос. Тазовское были надежды на обнаружение крупной структуры.

Целый год завозили оборудование и строили буровую нефтеразведчики под руководством Геннадия Богданова, а затем Геннадия Дубинина. Много было трудностей и хлопот. И вот, наконец, скважина забурена.

К апрелю 1962 г. достигнута глубина 2600 м. И вдруг аварийный фонтан газа. Позднее забурили новый ствол — и опять газовый фонтан. С одной стороны, радость — все-таки открытие месторождения, с другой — беда: нужно ликвидировать открытый (аварийный) фонтан. Для выполнения этой работы в Тазовское был направлен главный инженер управления Николай Михайлович Морозов. Газовый фонтан был задавлен. Однако буровую установку почти не удалось спасти.

В 1963 г. управление для разведки месторождения завезло на Тазовскую площадь четыре буровых станка и приступило к бурению второй скважины. В ней испытали самый нижний пласт и получили воду. Второй тоже дал воду. Где же газовый пласт? Ведь в первой скважине газ откуда-то фонтанировал?

Помню, мы, геологи, долго ломали голову: на какой глубине залегает газовый пласт и почему он не проявляется на каротажных диаграммах так, как обычно выделяется на березовских месторождениях газа. По этому поводу были бурные дебаты. Мы с Ю.Г. Эрвье еще в Тюмени считали, что газ расположен неглубоко. Чтобы проверить наши предположения, лаборатории управления было дано задание

Комары...

Балки на
скв. Губкинская-22

Наши буксирные катера плавали по ручьям и протокам рек

Аварийный фонтан, открывший первое месторождение газа в Ямало-Ненецком автономном округе, Тазовское (фото Л.Г. Цибулина)

установить возраст пород, выброшенных из первой скважины при аварийном фонтанировании. Когда это было сделано и наш вывод получил подтверждение, я срочно вылетел в Тазовское. Там и были определены работы по испытанию кровли сеноманского яруса.

Первое, что бросилось в глаза, когда я прилетел в Тазовское, — уныние рабочих Тазовской экспедиции.

— Газа в этой скважине нет, таково мнение рабочих, — сказал мне писатель-журналист Евгений Ананьев, работавший тогда помощником бурильщика на второй скважине.

— Газ есть, — ответил я.

Однако Ананьев, со свойственным ему упрямством, продолжал спорить и настойчиво предлагал пари. Оно было заключено. Хотелось доказать, что геологи слов на ветер не бросают.

Прежде всего, я решил выяснить мнение местных геологов.

В конторе мы встретились с начальником экспедиции Василием Тихоновичем Подшибякиным.

— Нет газа, — огорченно сказал он, — помогайте искать.

Появившийся вскоре главный геолог экспедиции Геннадий Быстров разъяснил, что ожидали газ в нижней части скважины. О верхней, оказывается, не думали, поскольку газопроявлений при бурении здесь не было.

Мы обсудили план ближайших работ и выдали задание на буровую. Все работы по подготовке и испытанию скважины были проведены быстро.

И вот, наконец, ударил мощный фонтан. Неверие в нефтегазоспособность сеномана развеялось. Большую оперативность и изобретательность проявил главный геолог экспедиции Геннадий Петрович Быстров, мой земляк-саратовец, выпускник Саратовского государственного университета.

Окончивших геологический факультет Саратовского госуниверситета в Тюменской области много. В их числе Альберт Юдин, Геннадий Быстров, Модест Синюткин. Мне было приятно встретить земляков на большой работе. И в то же время положение руководителя геологической службы области обязывало отмечать не только хорошее, но и

Л.И. Ровнин на фоне горящего фонтана первого сеноманского газа в Западной Сибири

строго взыскивать за недостатки. Сейчас могу твердо сказать, что саратовцы стали способными, высококвалифицированными геологами.

Альберт Григорьевич Юдин начал работать в 1953 г. рядовым геологом в Березовской экспедиции. Позднее был главным геологом этой экспедиции, затем Нарыкарской. Позже возглавил отдел нефти и газа Тюменского геологического управления. Простой, скромный человек. За участие в открытии березовских месторождений газа в 1964 г. ему присвоено высокое звание лауреата Ленинской премии.

Геннадий Быстров — главный геолог Тазовской экспедиции. В условиях полярной ночи сутками находился на буровой. Его невысокую, подтянутую фигуру можно было видеть на всех ответственных участках. «Моторный человек» — так называли Быстрова, когда он еще работал в Березовской экспедиции. Там он и завоевал авторитет грамотного геолога и отзывчивого товарища. И не только он прошел хорошую школу в Березово. Трудились и росли геолог Модест Федорович Синюткин, ставший главным геологом Мегионской экспедиции, Анатолий Дмитриевич Сторожев, выросший до главного геолога Шаимской экспедиции, а затем начальника отдела испытания скважин Тюменского территориального геологического управления.

Не покладая рук трудился, открывая несметные богатства тюменской земли, многотысячный коллектив Тюменского геологического управления. Когда меня спрашивают: «Что вы считаете особенным, радостным в своей жизни?» — я отвечаю: «Счастливы, что мне вместе с первыми на тюменской земле геологами довелось участвовать

в открытии и освоении подземных богатств области, полюбить этот край и внести частицу своего труда в создание новой, мощной нефтяной базы страны». Думаю, в этом со мной согласятся все геологи-первооткрыватели.

Уже было понятно, что в области будут открыты сотни месторождений и она войдет в число первых нефтяных районов страны. Уже уверенно можно было говорить об открытии в ближайшие годы крупных и уникальных месторождений нефти и газа в бассейнах рек Обь, Таз, Пур, Надым, на о-ве Ямал и п-ове Гыданский. После открытия и разведки месторождений на Самотлорском, Белозерном и Мыхпайском поднятиях нам стало ясно, что это единое многопластовое огромное нефтяное поле. Когда подсчитали извлекаемые запасы нефти, оказалось, что они превышают 2 млрд т. Такого месторождения в СССР еще не было. Постепенно открывались новые месторождения нефти.

С 1964 г. геологоразведчикам приходилось думать уже не только о поисках месторождений, но и о пробной их эксплуатации, транспортировке добытой нефти собственными силами геологического управления. Это диктовала сама жизнь, этого требовали решения партийных и советских органов. Главную роль в организации пробной эксплуатации сыграли секретари обкома КПСС Б.Е. Щербина, А.К. Протозанов, Е.А. Огороднов, начальник Иртышского речного пароходства Н.И. Животкевич. Не упустив начавшейся навигации, надо было залить нефтью танкеры и перевезти ее по рекам на Омский нефтеперерабатывающий завод. Первая загрузка нефтью первого танкера осуществлена летом 1964 г. вначале в Шаиме, затем в Усть-Балыке. Она стала большим праздником, в котором участвовали коллективы многих нефтеразведочных экспедиций, руководители районов и Ханты-Мансийского автономного округа, Тюменской области. Первые 20 тыс. т тюменской нефти поступили на Омский нефтеперерабатывающий завод, вливаясь в нефтяную реку страны.

А на севере Тюменской области между тем продолжался поиск. Ямало-Ненецкой геологоразведочной экспедицией была выявлена крупная по размерам структура Заполярная. Первая же поисковая скважина дала хороший фонтан метанового газа. Когда я сделал предварительный подсчет запасов газа, то был обрадован. Они оценива-

Начальник
Шаимской
экспедиции
И.Ф. Морозов и
буровой мастер
С.И. Урусов
открывают
нефтяную
задвижку для
налива нефти в
танкер. Шаим.
1964 г.

Первая
в Тюменской
области
и в Западной
Сибири нефть
Шаимского
месторождения
заливается
в танкер для
отправки на
Омский нефтепе-
рерабатывающий
комбинат.
Г.А. Махалин,
Л.И. Ровнин,
П.М. Телепнев,
А.Д. Сторожев
и др.
Июнь 1964 г.

лись в 2,5 трлн м³. На их разведку по существующим требованиям Государственной комиссии по запасам СССР (ГКЗ СССР) понадобилось бы 60 скважин. Их бурение заняло бы много сил и средств. Тогда у меня возникла идея разведать месторождение редкой сетью скважин.

К этому времени электроразведочным профилем, пройденным геофизиком Ю. Копелевым западнее небольшого пос. Уренгой, где проживало несколько семей гидрометеорологов и связистов, был выявлен высокоамплитудный перегиб, подтвержденный затем сейсморазведкой как южная периклиналь крупного поднятия. Быстро подсчитанные ориентировочные запасы газа только в сеномане составляли 4 трлн м³. Мы уже видели перспективы разведки здесь гигантских запасов. Тогда я предложил пробурить первую скважину, не дожидаясь оконтуривания сейсморазведкой всего поднятия, и вылетел в Уренгой. Вертолетом долетели до р. Ево-Яха. Со мной были как всегда топограф, бригадир вышкомонтажной бригады, геолог. Река имела хороший песчаный берег, на ней и выдали точку бурения скважины. Ранее мы определили ее задачу — вскрыть сеноманскую песчаную толщу и испытать на газоносность. Вскоре из скважин был получен хороший фонтан газа, открывший уникальное по запасам Уренгойское месторождение, самое крупное на планете. Снова возникла идея разведать месторождение редкой сетью скважин через 12–15 км. Я поехал в Москву, чтобы получить «добро» на такую необычную методику разведки. Посоветовался с геологической службой нефти и газа недавно образованного на базе Главгеологии РСФСР Министерства геологии РСФСР. Заместитель начальника Главнефтегазразведки и начальник отдела Г. В. Багирян прямо заявили, что они возражают против резкого увеличения разноса скважин, а ГКЗ СССР не станет утверждать разведанные запасы газа. Тогда я обратился с просьбой в ГКЗ СССР согласиться с бурением разведочных скважин по 15-километровой сетке. Мне ответили, что такого предложения к ним никогда не поступало, что требования ГКЗ были и остаются прежними, поскольку геологи не могут гарантировать, что литология песчаников, его пористость и проницаемость не изменятся через 15 км.

Отказ очень огорчил меня. И тогда я решил идти в высший орган партийной власти страны. В промышленном отделе Центрального комитета партии я изложил существо проблемы А.А. Ямнову, С.А. Баскакову, которые не отвергли мое предложение, но и не приняли его. Лишь зам. заведующего отделом И.П. Ястребов посоветовал: «Если уверен в целесообразности бурения скважин по редкой сети и это принесет большую экономию сил и средств, тогда принимай ответственность на себя и делай». Это уже была поддержка, меня окрылившая. Позднее мое предложение поддержал В.Г. Васильев, работник ВНИИГаза.

За два года на Заполярном и Уренгойском месторождениях по 15-километровой сетке было пробурено по 12–15 скважин и к концу 1967 г. стало возможным подсчитать разведанные запасы и представить их на утверждение ГКЗ СССР.

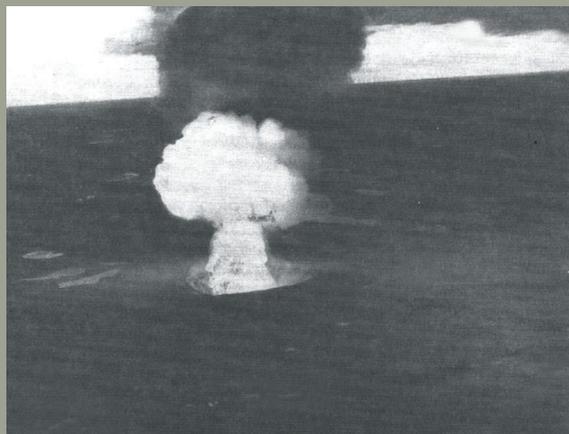
За открытие Уренгойского месторождения газа Л.И. Ровнину, Ю.Г. Эрвье, А.П. Ослоновскому, А.А. Власову, Г.Б. Рогожникову, Ю.С. Копелеву, Л.Г. Цибулину и другим министром геологии СССР А.В. Сидоренко присвоено звание «Первооткрыватель месторождения», вручены знаки и дипломы первооткрывателей.

Выдающимися организаторами поисков и разведки Губкинского, Заполярного, Уренгойского, Медвежьего газовых месторождений стали отличные специалисты, возглавившие экспедиции: Василий Тихонович Подшибякин, Владимир Дмитриевич Токарев, Иван Яковлевич Гиря, Вадим Бованенко. Они приложили много сил для создания производственных коллективов, обеспечения их оборудованием, транспортом, материалами. На их плечи легли многочисленные заботы, которые сегодня трудно перечислить.

Волевым характером и завидной энергией выделялся В.Т. Подшибякин, долгие годы проработавший на Тюменском Севере.

Отличным руководителем поисково-разведочных работ стал Владимир Дмитриевич Токарев, геолог по образованию, окончивший Пермский госуниверситет. В 1958 г. молодым специалистом его направили в Березовскую нефтеразведочную экспедицию, где он выделялся деловитостью, геологической грамотностью. Затем работал в Ханты-Мансийской экспедиции на разведке Краснотенинского месторождения нефти, главным геологом Правдинской экспедиции. Он является одним из первооткрывателей Правдинского месторождения нефти. Владимир Дмитриевич хорошо знал геологическое строение территорий поисков, умело анализировал получаемые геологические данные бурения, обладал упрямым характером, отстаивал высокие перспективы нефтегазоносности и добивался успехов. Когда на Пурпейской площади первой скважиной было открыто месторождение, встал вопрос, кого назначить начальником нефтегазоразведочной экспедиции. Ю.Г. Эрвье спросил моего мнения о возможности назначения В.Д. Токарева. Я, естественно, не возражал и поддержал такое решение, несмотря на то, что мне не хотелось его терять как растущего геолога, в котором угадывалось большое будущее.

Аварийный
фонтан на
Уренгое.
1966 г.

Фонтанирует
сква. 3.
Красноленинское
месторождение

Скважина-«перво-
открывательница»
Красноленинского
газонефтеносного
месторождения.
Л.И. Ровнин
с главным
механиком
Тюменского ГУ
К.И. Савиным.
1962 г.

В.Д. Токарев получил в наследство работающий открытый газовый фонтан. Это был самый тяжелый аварийный фонтан. Когда произошел газовый выброс, струей газа была разрушена буровая вышка, а на ее месте быстро образовался постоянно расширявшийся кратер. Когда его край достиг р. Пурпе, в 0,5-километровом кратере образовалось озеро. Фонтан газа горел, ежедневно сжигая больше 2 млн м³ газа, далеко озаряя в ночи пространство тундры. Укротить его решили бурением наклонной скважины. Она прошла вблизи аварийного ствола. Затем под давлением 500 атм в нее закачали тяжелый глинистый раствор. За счет высокого давления стенку скважины прорвало, и новый ствол соединился с аварийным, в него хлынул глинистый раствор, после чего фонтан заглох.

Мне несколько раз пришлось бывать в Тарко-Сале, где базировалась экспедиция. У нас с В.Д. Токаревым была единая позиция по методике разведки месторождения, размещению разведочных скважин. Такая позиция во многом способствовала успешной разведке крупного месторождения, которое было названо Губкинским в честь выдающегося ученого-геолога И.М. Губкина. Позднее В.Д. Токарев работал главным геологом Ямало-Ненецкого геологоразведочного треста после ухода на пенсию прежнего главного геолога Александра Петровича Ослоповского.

На поисках и разведке северных месторождений газа выросли многие будущие руководители крупных подразделений Тюмени. Среди них Александр Семенович Симановский, сумевший за короткий срок обустроить в пос. Мыс Каменный на п-ове Ямал Новопортовскую нефтегазоразведочную экспедицию и успешно разведать Новопортовское месторождение газа. Затем ему было поручено найти и разведать месторождение газа для Норильского горно-металлургического комбината. Прибыв в Таймырский автономный округ Красноярского края, А.С. Симановский проявил незаурядные организаторские способности и сумел за три года разведать Мессояхское и Соленинское месторождения газа в 100 км западнее Дудинки. Уже более 30 лет комбинат обеспечивается газом по построенному газопроводу Мессояха – Норильск.

В открытии и разведке газовых месторождений в Ямало-Ненецком округе отличились многие геологи: Г.П. Быстров, В.С. Сафонов, А.А. Власов, И.П. Крохин и др. Они выросли до руководителей

геологических служб, умело проводивших специальные геолого-поисковые и разведочные работы.

В экспедициях работали в основном люди комсомольского возраста, представители многих национальностей нашей страны. Их энергия, стремление открыть и поставить на службу Родине богатства западно-сибирских недр во многом определили наши успехи. Этому способствовала также организаторская и политическая работа Тюменского обкома комсомола, возглавляемого Г.И. Шмалем. Летом 1965 г. на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Тюменской области работали комсомольцы, посланцы вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Волгограда, Казани, Новосибирска. Они строили для геологоразведчиков дома, школы, детские сады, стадионы, производственные сооружения.

Благодаря творческой, умелой организации работ к середине 1967 г. мы завершили оценку разведанных запасов газа Тазовского, Заполярного и южной половины Уренгойского месторождений. Они были значительными. Направив соответствующие материалы подсчета запасов в ГКЗ СССР, мы предложили утвердить их на выездной сессии ГКЗ в построенном базовом поселке Тазовской экспедиции Газ-Сале. Председатель ГКЗ И.И. Малышев и министр геологии РСФСР С.В. Горюнов согласились. Выездное заседание Государственной комиссии проходило два дня. Прибывшие на заседание И.И. Малышев, С.В. Горюнов, начальник управления нефти и газа Министерства геологии СССР В.В. Семенович, члены и эксперты ГКЗ внимательно, кропотливо рассматривали наши подсчеты запасов, их обоснования полученными геологическими материалами глубокого бурения скважин. Мне и работникам партии подсчета запасов Тюменского территориального геологического управления задавали множество вопросов по принятым параметрам подсчетов. Накал страстей доходил до неприличия. Мы защищались всем комплексом наших знаний, имевшимися геологическими данными. И мы победили. ГКЗ утвердила запасы газа, частично уменьшив их. В сумме на конец 1967 г. они составили почти 7 трлн м³. В этот год во всем СССР имелось 4,5 трлн м³ разведанных запасов газа, а в сумме с тюменскими запасами получалось, что страна имеет 11 трлн м³ и выходит на 1-е место в мире по разведанным запасам. Это было начало. К 1998 г. в Тюменской области разведанные запасы достигли 42 трлн м³.

Аварийный
фонтан газа.
Сломанная
буровая вышка

Аварийный
фонтан газа из
скв. Губкинская-1

Газовый
фонтан из
скв. Губкинская-24

Невиданная по своим масштабам и организации работа, в которой были задействованы тысячи специалистов и рабочих различных специальностей, увенчалась триумфальным успехом.

17 июня 1966 г. за успешное выполнение заданий семилетнего плана по приросту разведанных запасов нефти и газа и создание новой сырьевой базы нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири Тюменское территориальное геологическое управление было награждено орденом Ленина. Для геологов Тюмени это был большой праздник нашей победы.

В июле 1966 г. постановлением Совета Министров СССР на базе Тюменского территориального ордена Ленина геологического управления создается Главное тюменское производственное ордена Ленина геологическое управление (Главтюменьгеология), начальником которого стал Ю.Г. Эрвье, главным инженером — Н.М. Морозов (затем Г.А. Махалин), главным геологом — Л.И. Ровнин, главным геофизиком — Л.Г. Цибулин, заместителем начальника — А.Г. Быстрицкий.

Создание Главного управления еще более укрепило структуру управления геолого-разведочными работами в Тюменской области и обеспечило стабильное выполнение поставленных на 1966–1970 гг. задач. Главным итогом было успешное выполнение государственных заданий по приросту разведанных запасов нефти и газа.

За выдающиеся успехи, достигнутые в разведке крупнейших газовых месторождений в Тюменской области, звание Героя Социалистического Труда присвоено Н.И. Григорьеву, старшему мастеру по сложным геологическим работам Тюменской геологоразведочной экспедиции, М.И. Косенко, бурильщику Тарко-Салинской нефтеразведочной экспедиции, Л.И. Ровнину, бывшему главному геологу Главтюменьгеологии, Л.Г. Цибулину, главному геофизику Главтюменьгеологии. В 1970 г. за открытие месторождений нефти в Среднем Приобье и природного газа в северных районах Западной Сибири многим руководителям и специалистам Тюменской области присвоены звания лауреатов Ленинской премии.

Для нас познание условий образования нефти и газа, формирования месторождений имело большое практическое значение. Продолжающийся в стране длительное время спор ученых о происхождении нефти не миновал и нас, геологов на производстве. Идеолог гипоте-

Шаим.
Г.А. Махалин.
1962 г.

зы неорганического происхождения нефти Н.А. Кудрявцев для доказательства использовал данные Березовской опорной и Шаимских скважин, в которых газ и нефть были получены из трещиноватых пород кристаллического фундамента. Тюменские геологи жестко стояли на позициях органического происхождения нефти. Правда, среди нас был единственный геолог В.Ф. Никонов, поддержавший Н.А. Кудрявцева, считавшего, что нефть и газ образуются неорганическим путем, в глубинных зонах земли и оттуда по разломам поднимаются и внедряются в осадочные породы. Поэтому было решено в феврале 1965 г. провести в Тюмени совещание на тему «Закономерности размещения и условия формирования залежей нефти и газа в Западно-Сибирской низменности». В совещании приняли участие представители институтов СНИИГГиМС, ВНИГРИ, ИГИРГИ, ЗапСибНИГНИ, тюменские геологи. Совещание было бурным, особенно после докладов Н.А. Кудрявцева и В.Ф. Никонова. Председательствуя на этом совещании, я предоставил возможность выступить всем желающим. И докладчики и выступающие объективно доказали, что нефть и газ — это производные органики, отложившейся вместе с другими осадочными породами, а кристаллический фундамент, имея трещиноватость, выступает только как коллектор нефти органического происхождения. Особенно убедительно прозвучали выступления Н.Н. Ростовцева, А.Э. Конторовича, в которых была показана необоснованность гипотезы неорганического происхождения. В своем заключительном слове я заявил, что признаю только гипотезу органического происхождения и предложил Н.А. Кудрявцеву, В.Ф. Никонову взять на себя необходимые объемы геофизических, буровых работ, государственное задание по приросту запасов и ответственно провести поиски тектонических разломов фундамента и месторождений. Тогда будет ясно, «работает» ли

их гипотеза. Совещание опровергло все обоснования Н.А. Кудрявцева и В.Ф. Никонова и приняло решение продолжить поиски месторождений на основе теоретически обоснованного учения И.М. Губкина о нефти. Мы были и остались его продолжателями.

Мне хотелось рассказать в основном о путях, которыми шли геологи, руководители нефтегазоразведочных организаций, искавшие месторождения, несмотря на природные трудности. Но не надо забывать о том, что главные стратегические и организационные решения, без которых работа геологов была бы невозможна, вырабатывались в центральных партийных и советских органах. Ведь, по существу, открытие Тюменского нефтегазового гиганта стало возможным в результате постоянной заботы и помощи секретарей обкома партии Б.Е. Щербины, А.К. Протозанова, Е.А. Огороднова, заведующих отделами Л.И. Кудрявцева, председателя облисполкома В.С. Степанова, руководителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов М.Я. Савина, П.М. Телепнева, К.И. Миронова, С.Ф. Соловьева и многих других. Им, работникам государственных и партийных органов, тюменские геологоразведчики всегда выражают слова благодарности за постоянную помощь.

Особую благодарность геологов на всю жизнь заслужил Александр Константинович Протозанов — второй секретарь обкома партии. Его неумный характер, работоспособность, постоянное внимание и поддержка геологов, критика наших недостатков и заботливый поиск нужных решений, патриотический настрой создать в Тюменской области крупную базу нефтегазодобывающей промышленности воодушевлял нас. Он постоянно бывал на буровых, в сейсмопартиях, в местах базирования экспедиций. Везде в нем видели простоту и уважение, деловитость и справедливость.

К началу 1968 г. в Тюменской области было открыто более 70 месторождений нефти и газа. Тюменская нефть по 1000-километровому нефтепроводу от Усть-Балыкского месторождения пришла в Омск. Открылось регулярное движение по железной дороге Тюмень – Тобольск. За успехи в хозяйственном и культурном строительстве, освоении нефтяных и газовых месторождений Тюменская область награждена орденом Ленина.

На этом заканчивается мой тюменский этап работы. Он дал мне многое из того, что получает человек, познавший счастье, гордость за

свой полезный труд. На тюменской земле родились две мои дочери — Ольга и Наташа, здесь написана диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Она была оценена как докторская и защищена в Москве в 1968 г., мне присвоили ученую степень доктора геолого-минералогических наук. Здесь я приобрел много хороших друзей.

В октябре 1967 г. я получил приказ министра геологии РСФСР о переводе на работу в аппарат Министерства на должность начальника Главнефтегазразведки, члена коллегии Министерства. Сначала очень сожалел о таком жизненном повороте, но после знакомства с нефтегазописковыми и разведочными работами на территории России понял, что здесь будут востребованы мои знания и опыт.

В марте 1970 г. постановлением Совета Министров РСФСР я был назначен министром геологии РСФСР. На этой должности работал 18 лет до решения правительства СССР (в октябре 1987 г.) о ликвидации министерств геологии в республиках СССР.

За годы работы в Министерстве разведаны сотни месторождений нефти, газа, угля, алмазов, золота, цветных и черных металлов, агроруд, подземных вод, строительных материалов. В Тюменской области открыто и разведано более 100 месторождений нефти и газа, среди которых крупные Самотлорское, Лянторское, Муравленковское, Федоровское, Краснотенинское нефти, Ямбургское, Бованенковское, Харасавейское газовые. В Коми АССР открыты и разведаны крупные Усинское, Возейское, Хорьягинское нефтяные, Вуктыльское газовое месторождения, ставшие основой активного роста объемов добычи нефти и газа.

В Оренбургской и Астраханской областях целенаправленный поиск привел к открытию Оренбургского и Астраханского газовых месторождений-гигантов с разведанными запасами 2,2 и 4,5 трлн м³, нефте- и газоконденсатных месторождений в Бузулукской впадине.

Принципиальное значение приобрели открытия месторождений нефти в Калининградской, Томской, Иркутской областях, в Ненецком автономном округе Архангельской области, в Эвенкийском автономном округе Красноярского края и в Якутии, позволившие начать создание новых сырьевых баз нефтегазодобычи.

Это были годы напряженной, но очень результативной работы.

Газовый фонтан из скв. Лянторская-Р-10

Л.И. Ровнин на
буровой
Астраханского
месторождения

Прибытие
Л.И. Ровнина
на Астраханское
месторождение

Л.И. Ровнин на
Астраханском
месторождении

Геологи-первооткрыватели Тюменского нефтегазового гиганта.
Слева направо: в первом ряду — А.Д. Сторожев, Ф.Ч. Потиха, А.П. Стовбун, Л.И. Ровнин,
М.Ф. Синюткин, И.Г. Звездава, А.Г. Юдин;
во втором ряду — В.П. Никонов, Б.В. Топычканов, О.О. Власов, В.С. Сафонов, В.Д. Токарев,
Н.Д. Семенов, Е.А. Тепляков, Г.К. Боярских

Студенты на
практике

С. Ивлево.
Л.И. Ровнин —
старший геолог
Ивлевской
буровой партии

Первый
фотоаппарат

По р. Сосьве
на катере.
1954 г.

Тюмень.
Декабрь 1957 г.

С секретарем
ЦК КПСС
А.Б. Аристовым.
Тюмень,
1958 г.

7 ноября 1959 г.

После
совещания по
направлению
работ на нефть
и газ на скале
Голодова
в Шигулях.
После шашлыка
и коньяка.
1964 г.

София.
1964 г.

Партхозактив.
23 августа 1966 г.

Самарканд,
у Регистана.
Апрель 1969 г.

Братя
Ровнины —
Владимир
Иванович и
Лев Иванович

Нарьян-Мар.
1973 г.

Делегация
Архангельской
области.
4 января 1973 г.

Саратов.
17 мая 1974 г.

Красноярская
ГЭС.
Апрель 1975 г.

В приморском
РК КПСС.
Архангельск.
Май 1975 г.

Архангельская область, пос. Лешуконское.
20 мая 1975 г.

Л.И. Ровнин
с секретарем
окружного
комитета КПСС
И.К. Швецовым.
Варандей,
Архангельская
область.
Май 1975 г.

Архангельская
область

Архангельская
область

На Ломоно-
совском место-
рождении
алмазов.
Архангельская
область

У алмазной
трубки.
Архангельская
область

Искали алмазы —
нашли грибы.
Архангельская
область

Месторождение
Сухой Лог
в Иркутской
области.
В штольне
на глубине 380 м
начальник
Иркутского
геологического
управления
В.Е. Рябенко,
министр
геологии РСФСР
Л.И. Ровнин,
главный геолог
Востсибнефте-
газгеология
В.В. Самсонов.
Осень 1975 г.

Е.В. Барабашев,
Л.И. Ровнин,
главный геолог
В.В. Куницин.
Забайкалье,
Ара-Иля.
1976 г.

Субботник.
17 апреля 1976 г.

Апатиты.
1976 г.

Сахалин.
Октябрь 1977 г.

Плавающая
буровая установка
«Боргстен — Дол-
фин», с помощью
которой было
открыто первое
месторождение
нефти Одопту на
шельфе Сахалина.
Л.И. Ровнин с
первым секретарем
обкома КПСС
П.А. Леоновым.
1977 г.

Архангельск.
23 марта 1979 г.

Заповедник
Красноярские
Столбы.
Июль 1979 г.

Виталий
Васильевич
Суетнов,
Лидия
Васильевна и
Лев Иванович
Ровнины.
Буйнакск.
Сентябрь 1979 г.

Партконференция
Краснопресненского района.
Москва. Декабрь
1980 г.

XXVI съезд
КПСС. Москва,
Кремль.
1981 г.

Ульяновск.
1981 г.

Второй секретарь
Архангельского
обкома КПСС
Ю.Н. Кучепатов,
Л.И. Ровнин,
председатель
Архангельского
облисполкома
В.И. Третьяков в
Дворце Съездов
в честь 60-летия
образования
СССР.

Дворец Съездов.
Депутаты
Верховного
Совета
РСФСР на
торжественном
заседании,
посвященном
60-летию
образования
СССР.
21 декабря 1982 г.

Председатель
Верховного
Совета
Якутской АССР
Е. Ф. Горохова.
21 декабря 1982 г.

Амдерма.
Октябрь 1982 г.

С активистами
советско-
алжирской
дружбы.
Алжир, Оран.
Ноябрь 1983 г.

О-в Колгуев.
Август 1984 г.

Вручение
наград
работникам
аппарата
Мингео РСФСР
в честь 40-летия
Победы.
7 мая 1985 г.

Алма-Ата.
Третий справа —
министр
геологии
Казахстана
С.Е. Чакабаев.
Май 1985 г.

A black and white photograph of seven men standing outdoors. They are dressed in suits. The man third from the right is identified as the Minister of Geology of Kazakhstan. They are standing in front of a large, ornate stone monument or fountain. The background shows trees and a clear sky.

Встреча
с рыбаками
на р. Урал,
около Гурьева.
Май 1985 г.

A black and white photograph of a group of seven men on a boat. They are dressed in suits. One man on the left is holding a large, curved fish (possibly a salmon) over his shoulder. Another man in the center is holding a fishing net. The background shows a body of water and a distant shoreline.

80

Вторая сессия верховного совета РСФСР 11-го созыва.
Москва, Кремль.
Декабрь 1985 г.

Л.И. Ровнин
со вторым
секретарем
обкома КПСС
Коми АССР
Ю.А. Спиридоно-
вым на выставке
во Дворце
Культуры
в Усинске.
Март 1986 г.

После
вручения
переходящего
Красного
знамени
геофизикам.
Ухта.
Апрель 1986 г.

На катере
по р. Амур,
по границе
с Китаем.
Командировка в
Благовещенск.
Май 1986 г.

На приеме
у губернатора
штата Химачал-
Прадеш в Шимла.
Гималаи, Индия.
Май 1986 г.

Прием
министра
судостроения
и судоходства
Индии
г-на З. Аниари

Министр
судоходства и
судостроения
Индии
г-н З. Аниари и
Л.И. Ровнин

Индия.
Калькутта

Североморск,
Мурманская
область.
12 августа 1986 г.

Сентябрь 1986 г.

Л.И. Ровнин с
женой Лидией.
Москва.
1987 г.

У Дворца
геологов.
Тюмень.
1988 г.

Однокашники.
31 декабря 1989 г.

В кабинете
министра
Геологии СССР
В.П. Орлова в
День геолога

1 ноября 1991 г.

Встреча
саратовцев
у Ровниных.
На обороте
фотографии:
«Дорогим Лиде
и Леве. Было
тогда прекрасно!
23.11.1993 г.»

В Ломоносовском фонде.
Архангельск.
7 декабря 1996 г.

Собрание акционеров АО «Росшельф» у здания РНЦ «Курчатовский институт».
17 июня 1997 г.

На осмотре обнажений в Норвегии.
2001 г.

На юбилее
В.Б. Мазура.
Г.С. Быков,
В.И. Попов,
Л.И. Ровнин,
В.П. Орлов.
5 августа 2003 г.

На 75-лети
Л.И. Ровнина.
Подарок вручает
В.П. Орлов.
2 ноября 2003 г.

Столетие
С.И. Кувькина.
Ноябрь 2003 г.

Западно-
Сибирское
землячество.
Встреча
ветеранов,
Москва.
11 мая 2005 г.

Л.И. Ровнин,
А.Н. Дмитриевский,
Б.М. Зубарев.
2 ноября 2005 г.

Новосибирск.
И.А. Иванов,
Л.И. Ровнин,
Ф.Г. Гурари.
2006 г.

У нового
моста через
р. Иртыш в
Ханты-Мансийске.
2006 г.

В.Д. Токарев,
Л.И. Ровнин,
А.П. Лидов,
Л.В. Ровнина.
Тюмень.
Апрель 2009 г.

Норвегия,
Ставангер

Новосибирск.
Г.С. Фрадкин,
А.Э. Контрович,
М.Д. Белонин,
В.В. Самсонов,
Л.И. Ровнин,
А.П. Карагодин

С Б.А. Никитиным

Выездная
коллегия
Мингео СССР.
Среди
присутствующих:
Л.И. Ровнин,
А.А. Трофимук,
В.Б. Мазур,
Е.А. Козловский,
Ф.К. Салманов,
И.И. Нестеров,
К.Д. Беляев

Скв. Р-1
Малый Атылым.
1958 г.

Скв. 101
на Пурпейской
площади.
Февраль 1961 г.

Скв. К-3.
1963 г.

Скв. 101
на Пурпейской
площади.
1965 г.

Аварийный
фонтан из
скв. 101 на
Пурпейской
площади.
1965 г.

Фонтан нефти
из пласта B_{10}
(2470 – 2495 м) из
скв. 22 на Средне-
Балыкской
площади.
12 марта 1965 г.

Скв. № 9.
Южно-Тажное.
1966 г.

Скв. Р-9.
Южно-Тажное.
1966 г.

Сахалин.
Первый фонтан.
1977 г.

Сахалин.
1977 г.

Разведочная
скв. Покурс-
кая-Р-616

Скв. Покурс-
кая-Р-616

Скв. Покурская-Р-616

Догорание
фонтана нефти
из скв. Р-616
Покурского
месторождения

Газовый
фонтан из
скв. Карабашс-
кая-Р-1

Фонтан воды
у пос. Саргынья

Скв. 24 на
Губкинском
месторождении

Фонтан нефти
из пласта B_{10}
(2366 – 2377 м)
из скв. 240 на
Мамонтовской
площади

Газовый
фонтан из
скв. Карабашс-
кая-Р-1

Скв. Р-10
на Лянтгорской
площади

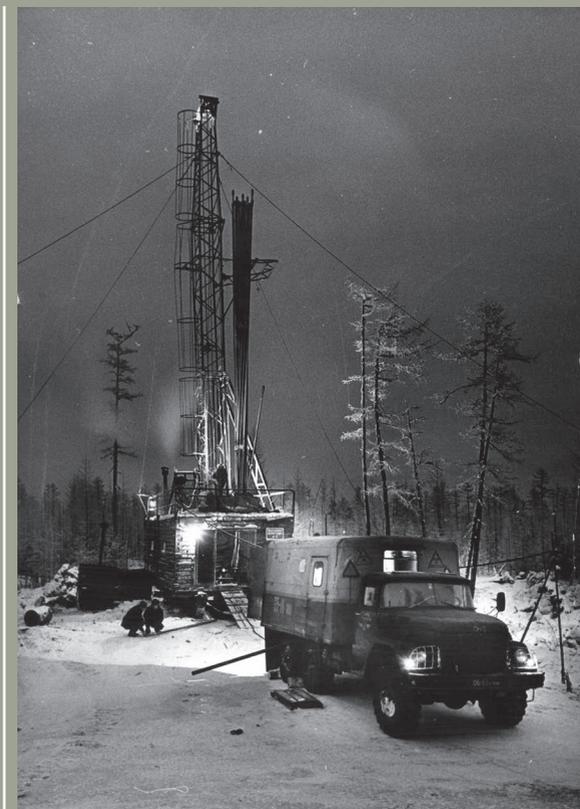

Скв. Р-82
на Шаимской
площади

Скв. Р-6.
Кигичевка

ПГО «Якутск-
геология».
Беркакитское
месторождение

На скв. Северо-
Алясовская
после
аварийного
фонтана

Скв. 330 на
Шухтунгортской
площади

Первый
фонтан
минеральной
воды из
скв. Ярская-3.
Тюмень

Клера
Васильевна
Суетнова

Юрий
Георгиевич
Серебряков

Старший геолог
Герман Иванов
на скв. Южно-
Таежная-Р-9

Скв. Данилов-
ская-Р-82,
И.В. Гриценко.
Фонтан не вызван

Л.И. Ровнин
с начальником
управления
П.В. Бабкиным
в Читинском
геологическом
управлении

Под
Красноярском

Прием геологов
из Чехословакии
в Мингео РСФСР

Сургутнефтегаз-
геология

Берлин

Ульяновск

С В.А. Демченко,
заместителем
председателя
Совета
Министров
РСФСР